

МИРОСЛАВА МЕЛЕНСКАЯ

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ
ИТАЛЬЯНСКОЙ
МАФИИ

Мирослава Меленская

Возлюбленная итальянской мафии

<https://litres.ru/74214309>

Аннотация

Он смотрел на меня долгим, тяжелым взглядом. В его глазах плескалась усмешка, смешанная с чем-то еще, более темным и непонятным.

— D'accordo, — наконец сказал он. Согласен. — Но насчет третьего... не уверен.

— Что это значит?

— Это значит, — он медленно провел языком по губам, и этот простой жест показался мне ужасно эротичным, — что ты, маленькая ветеринарша, возможно, только что заключила сделку с дьяволом. А дьяволы редко отпускают свои души так легко.

Я спасла его, потому что давала клятву помогать всем живым существам. Но не знала, что спасаю самого опасного хищника.

Теперь он говорит, что я принадлежу ему. Что мой долг — разделить с ним его проклятый трон.

Итальянская мафия

Страсть

Ненависть

Предательство

Опасная любовь ♥#

Жестокий мир

Все в лучших традициях, ХЭ гарантируется!

Отдельная благодарность Арине Фенно за шикарную обложку

♥#

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	22
Глава 3.	33
Глава 4. 18+	42
Глава 5.	51
Глава 6.	58
Глава 7. 18+	66
Глава 8.	74
Глава 9.	82
Глава 10.	90
Глава 11.	98
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Глава 1.

ЛУЧО

Мир состоял из трех вещей: свинца, крови и боли.

Свинец жужжал шершнями в летней тосканской листве, разрывая кору столетних кипарисов. Кровь — моя собственная — была липкой и горячей, она сочилась сквозь пальцы, сжимавшие бок, и окрашивала белую рубашку в багровый узор предательства. Боль была всеобъемлющей, огненной волной, с каждой секундой угрожавшей поглотить сознание.

Погоня отрезала меня от моих людей. Один выстрел из-за спины, от Антонио — человека, которому я доверял как брату, — и вот я уже бегу, спотыкаясь, как подранный зверь, в глушь, где нет ни законов, ни правил, кроме закона силы. А сила из меня утекала вместе с кровью.

Cazzo. Stronzo. Проклятия крутились в голове вязкой кашей. Я, Лучо «Волк» Росси, босс всей Калабрии, бегу по какому-то чертовому лесу, как заяц.

Вот он, итог. Не в роскошном палаццо за стаканом старого граппы, а в грязи, под корнями какого-то поваленного дерева. Я зарылся в сырую, пахнущую гнилью землю, затаив дыхание. Шаги приближались. Голоса. Не мои.

— Он где-то тут. Истекает. Должен быть тут.

— Проверь за тем валуном.

Я сжал холодную рукоять «Беретты». Последний магазин. Два патрона. Хватит, чтобы забрать с собой на тот свет пару ублюдков. Но мысль была горькой. Я не хотел умирать. Не здесь. Не так.

Шаги удалялись. Напряжение чуть отпустило, и волна боли накатила с новой силой. Темнота затягивала края зрения. Нужно было двигаться, найти укрытие. Выжить. Чтобы потом найти Антонио и лично вырвать ему предательское сердце.

Я выполз из укрытия и пополз, почти не видя куда. Лес расступился, и впереди показался свет. Одинокий, желтый, приветливый. Маленький домик с черепичной крышей. Рядом — сарай, откуда доносилось тихое ржание лошади.

Последние силы. Я поднялся, шатаясь, и подошел к двери сарая. Замок был простым. Один удар плечом — и щеколда со скрипом поддалась. Я ввалился внутрь, в теплый, густой воздух, пахнувший сеном, потом животных и... жизнью.

И тут мои ноги подкосились. Пол ушел из-под ног. Я рухнул на солому, и мир поглотила черная, беззвучная пустота.

Последнее, что я почувствовал, прежде чем потерять сознание, — чье-то теплое, мягкое прикосновение к своей шее.

КБЯРА

Тишина в Тоскане — она особенная. Не мертвая, а живая. Она наполнена стрекотом цикад, шепотом листьев и далеким лаем собаки. Я привыкла к этой тишине. Она была моим

щитом после всего, что случилось в Риме. После больницы, паники, бегства. Здесь, в своей старой семейной конюшне, которую переоборудовала в небольшую ветеринарную практику, я была в безопасности. Никто не искал здесь простую ветеринаршу.

Я дописывала отчет, когда Фурбо, мой старый пес, зарычал. Не предупреждающе, а скорее с тревогой. Потом из конюшни донесся странный звук — глухой удар, словно упал мешок с зерном.

Сердце екнуло. Лошади? Я схватила фонарь и мощный шприц с успокоительным — на всякий случай.

— Кто тут? — крикнула я, распахивая дверь.

Фонарь выхватил из тьмы пустые стойла, испуганные глаза моей кобылы Лиры и... тело. Мужское тело, лежащее в неестественной позе в дальнем углу, в соломе.

Matita mia. Грабитель? Пьяный?

Я осторожно подошла ближе, держа шприц наготове. И тут свет фонаря упал на него.

Воздух застрял в легких.

Он был весь в грязи и... в крови. Много крови. Лицо, бледное и напряженное даже в бес сознании, было поразительно красивым. Скульптурным. С резкими чертами, густыми темными бровями и щеткой черных, почти синих волос. Его одежда — дорогая, я поняла это даже с первого взгляда, — была разорвана и испачкана.

Не думай, Кьяра. Действуй. Ветеринарный инстинкт пе-

ресилил страх.

Я опустилась на колени рядом с ним, отложив шприц. Два пальца на шею. Пульс... есть. Слабый, нитевидный, но есть. Дыхание поверхностное. Я осторожно приподняла его окровавленную рубашку.

Santa Madonna.

Пулевое ранение. Рваная, ужасная рана. Он истекал кровью.

Паника, холодная и знакомая, сжала горло.

Звони в карабинеры. Сейчас же. Но что-то остановило меня. Его лицо. В нем была не просто боль. В нем была ярость. Даже без сознания его челюсти были сжаты, а брови сдвинуты в выражении такой первобытной, дикой злобы, что мне стало страшно.

А еще... он был невероятно сексуален. Опасно, шокирующе сексуален. Как падающий ангел с обломанными крыльями.

Нет. Нет, Кьяра. Это проблемы. Большие проблемы. Те самые, от которых ты сбежала.

Но он умирал.

Я вскочила на ноги, сердце колотилось как сумасшедшее. Беги. Оставь его. Пусть кто-то другой разберется.

Но я не могла. Потому что я была доктором. Потому что я спасала жизни. Даже те, которые, возможно, не стоило спасать.

Сжав зубы, я побежала в дом за своей старой, но надеж-

ной ветеринарной аптечкой. «Ты сумасшедшая, — стучало в висках. — Это убьет тебя».

Возвращаясь, я уже приняла решение. Я не знала, кто он. Но я не позволю ему умереть на своем полу.

Первые несколько часов были адом. Дезинфекция, извлечение пули — слава богу, она прошла навывлет, — наложение швов. Он бредил на низком, хриплом итальянском, пересыпанном проклятиями. «Антонио... я убью тебя, сука... Всех... Всех убью...»

Я работала молча, руки дрожали, но были точны. Укол антибиотика, обезболивающее. Когда самое страшное было позади, я откинулась назад, вытирая пот со лба, и только тогда позволила себе разглядеть его как мужчину.

Он был огромным. Даже лежа, было видно, что он высокий, с широкими плечами и мощными руками. Руки убийцы. Или скульптора. На одной из них я разглядела черные контуры татуировки, скрытые под засохшей кровью.

Я принесла воду, смочила тряпку и начала стирать с его лица грязь и кровь. Кожа под ней оказалась смуглой, шероховатой, покрытой легкой щетиной. Его губы, полные и чувственные, были плотно сжаты.

И в этот момент его рука молниеносно рванулась вверх. Железная хватка сдавила мое запястье с такой силой, что я вскрикнула от боли. Его глаза открылись.

Боже правый. Его глаза.

Они были не просто карими. Они были цветом темного

шоколада, старого золота и чистейшего зла. В них не было ни капли слабости, только дикая, животная настороженность и боль, которую он тут же подавил.

— Кто ты? — его голос был низким, хриплым, как скрип гравия по стеклу. Он впился в меня взглядом, выжигая душу.

Я попыталась вырваться, но его хватка была мертвой.

— Я... Я та, кто только что спас тебе жизнь, — выдавила я, пытаясь звучать твердо, но голос предательски дрогнул. — А теперь отпусти меня, кретино, а то я верну тебе пулю обратно!

Он не отпустил. Напротив, его пальцы сжались еще сильнее. Он медленно, с трудом приподнялся на локте, его взгляд скользнул по моему лицу, волосам, губам, вновь вернулся к глазам. В его взгляде было что-то первобытное, оценивающее.

— *Dove sono?* — Где я? — выдохнул он.

— На моей конюшне. Ты ворвался сюда и чуть не умер у меня на полу.

Он на мгновение замер, его мозг, сквозь туман боли и лекарств, обрабатывал информацию. Его взгляд упал на мои инструменты, на бинты на его теле.

И тогда в его глазах что-то переключилось. Дикость отступила на секунду, сменившись холодным, пронзительным расчетом.

— Ты... врач? — спросил он, и в его голосе прозвучала

странная нота. Не благодарность. Нет. Скорее... удивление. И интерес.

— Ветеринар, — поправила я.

Его губы дрогнули в подобии улыбки. Без единой капли тепла.

— *Veterinario?* — Он тихо хрипло рассмеялся, и этот звук заставил мурашки пробежать по моей коже. — Идеально.

Он наконец ослабил хватку, и я вырвала руку, потирая запястье, на котором уже проступали красные следы от его пальцев.

— Мне нужно вызвать скорую. И карабинеров, — сказала я, поднимаясь и отступая к двери.

Его лицо мгновенно окаменело.

— Нет.

Одно-единственное слово, произнесенное с такой ледяной, не терпящей возражений властью, что я замерла на месте.

— Слушай, кто бы ты ни был...

— Лучо, — перебил он меня, его взгляд снова стал пристальным, гипнотизирующим. — Меня зовут Лучо. И ты не сделаешь ни одного звонка. Поняла?

В его тоне было что-то, от чего по спине пробежал ледяной холод. Это был не просьба. Это был приказ.

И я, как дура, стояла и смотрела на этого полумертвого, самого опасного и самого красивого мужчину, которого видела в жизни, и понимала — моя тихая, безопасная жизнь

только что закончилась.

Она разбилась о железную хватку Лучо Росси.

«Нет».

Это слово повисло в воздухе между нами, тяжелое и неоспоримое, как свинцовая печать. Оно пахло опасностью, оружием и мужским потом, смешанным с запахом крови и антисептика. Я стояла, вжавшись спиной в грубые доски стены, и чувствовала, как мелкая дрожь пробегает по всему телу. Не от страха — хотя страх был, да, — а от яростного, дикого протеста.

— Ты не можешь мне приказывать, — выдохнула я, и мой голос прозвучал хрипло. — Это мой дом.

Его глаза, эти два куска обсидиана, впились в меня с такой интенсивностью, что мне стало физически жарко.

— Теперь это мой дом, — тихо произнес он. — До тех пор, пока я не решу иначе. Подойди сюда.

Это было уже слишком. Я сделала шаг к двери.

— Я сейчас позвоню...

Он двинулся с пугающей, кошачьей скоростью для раненого человека. Рука снова метнулась вперед, но на этот раз не к запястью, а к моей щеке. Его пальцы, грубые и горячие, впились в кожу у виска, не причиняя боли, но полностью лишая меня возможности отвести взгляд.

— Посмотри на меня, — прошептал он. Его дыхание было коротким, прерывистым от боли, но в нем не было и тени слабости. — Ты видишь перед собой человека, которого чуть

не убили. Ты думаешь, те, кто это сделал, остановятся? Если ты сейчас возьмешь телефон, они найдут его сигнал. Они найдут тебя. И они не будут задавать вопросов. Они просто уберут свидетеля. Поняла? Ты станешь разменной монетой в игре, правил которой не знаешь.

Его слова падали, как удары кинжала. Холодный, расчетливый ужас начал подниматься по спине. Он был прав. Черт возьми, он был прав. Я видела его рану. Это была не бытовая поножовщина. Это была работа профессионалов.

— Кто ты? — прошептала я, и мой голос дрогнул. — Настоящее имя.

Его губы снова искривились в той же безрадостной улыбке.

— Лучо Росси. Для тебя сейчас этого более чем достаточно.

Он отпустил мое лицо, и я почувствовала, как по коже, где касались его пальцы, бегут мурашки. Он откинулся на подушки из сена, которые я ему подложила, и его лицо на мгновение исказила гримаса боли. Он был силен, нечеловечески силен, чтобы держаться так после потери крови.

— Воды, — хрипло сказал он. Это был приказ, но на этот раз в нем звучала физиологическая потребность.

Я молча налила воды из бутылки в пластиковый стаканчик. Мои руки дрожали. Я поднесла стакан к его губам. Он не стал брать его сам, просто позволил мне поднести его ко рту и пил маленькими глотками, не отрывая от меня взгля-

да. Его глаза изучали каждую мою черту, каждую родинку, каждую морщинку у глаз. Это был взгляд хозяина, оценивающего новую собственность. Унизительно. Возбуждающе. Ужасно.

— Тебе нужно в больницу, — сказала я, отставляя стакан.
— У меня нет всего необходимого. Может начаться заражение.

— Справишься, — отрезал он. — Ты же справились с пулей. — Он медленно провел пальцами по свежей повязке на своем боку. — Аккуратная работа. Для ветеринара.

— Спасибо, — процедила я ядовито. — Я и лошадям так же аккуратно кишки зашиваю.

Он коротко, хрипло рассмеялся. Звук был низким, вибрационным, и он отозвался где-то глубоко внизу моего живота.

— Мне нравится твой характер, — задумчиво произнес он. — Огненный. Я этого не ожидал.

— А чего ты ожидал? Испуганную овечку?

— Именно. А нашел дикую кошку. Это... интересно.

В его взгляде было что-то, от чего у меня перехватило дыхание. Не просто интерес. Голод. Первобытный, животный голод хищника, учуявшего добычу, которая не убегает, а шипит и выгибает спину.

Он попытался приподняться, чтобы сесть, и резко выдохнул, бледнея. Инстинктивно я шагнула вперед, подставив плечо, чтобы поддержать его. Он был тяжелым, мускулистым, его тепло проникало сквозь тонкую ткань моей фут-

болки. Он облокотился на меня, и его дыхание опалило мою шею.

— *Maledizione*, — прошептал он. Проклятие.

Мы сидели так несколько секунд, в неестественных объятиях — я, поддерживающая его, он, опирающийся на меня.

Его голова была рядом с моей, я чувствовала запах его кожи — кровь, пот, дорогой парфюм, почти перебитый запахом опасности.

— Ладно, — сдалась я, потому что другого выхода не было. — Ты остаешься. Но есть правила.

Он медленно отклонился назад, с интересом глядя на меня.

— Правила? — переспросил он, как будто услышал незнакомое слово.

— Мои правила, — подтвердила я, стараясь говорить твердо. — Первое: ты делаешь так, как я говорю, в вопросах лечения. Уколы, перевязки, все, что я скажу. Второе: ты не выходишь из этой конюшни. Фурбо будет лаять на незнакомцев. Третье... — я запнулась, подбирая слова. — Третье: как только ты сможешь ходить, ты уходишь. И мы больше никогда не увидимся. Я тебя не знала, ты меня не знал. Договорились?

Он смотрел на меня долгим, тяжелым взглядом. В его глазах плескалась усмешка, смешанная с чем-то еще, более темным и непонятным.

— *D'accordo*, — наконец сказал он. Согласен. — Но на-

счет третьего... не уверен.

— Что это значит?

— Это значит, — он медленно провел языком по губам, и этот простой жест показался мне ужасно эротичным, — что ты, маленькая ветеринарша, возможно, только что заключила сделку с дьяволом. А дьяволы редко отпускают свои души так легко.

Прежде чем я смогла что-то ответить, его рука снова поднялась. На этот раз он не схватил меня, а просто коснулся кончиками пальцев пряди моих волос, выбившейся из хвоста.

— *Bella*, — тихо прошептал он. Красивая.

И затем его глаза закрылись. Сознание снова отпустило его. Он свалился на подушки, его дыхание стало глубже и ровнее. Обезболивающее и потеря крови сделали свое дело.

А я осталась сидеть на корточках рядом с ним, трясаясь как осиновый лист, со щекой, все еще пылающей от его прикосновения, и с волосами, которые, казалось, все еще хранили жар его пальцев.

Сделка с дьяволом.

Он был прав. Я это чувствовала в каждой клеточке своего тела. Тихая, упорядоченная жизнь, которую я выстроила здесь, в глуши, только что треснула по швам. И в трещину вползла тьма. Красивая, опасная и безумно притягательная.

Я просидела рядом с ним до самого утра, прислушиваясь к его дыханию и к лаю Фурбо, всматриваясь в темноту за

дверью, ожидая, что из нее вот-вот появятся те, кто хотел его убить.

Страх и какое-то идиотское, запретное возбуждение смешались во мне в один коктейль. Я спасла Волка. И теперь вопрос был в том, не сожрет ли он меня, когда проснется.

ЛУЧО

Я проваливался в кошмары. Антонио, улыбаясь, поднимал пистолет. Лица моих солдат, искаженные жадностью и предательством. Вкус крови во рту. Запах пороха и страха.

Я просыпался от острой боли в боку, в поту, каждый раз на грани паники, хватая «Беретту» под подушкой. Но подушки не было. Был пучок сена, впивавшийся в щеку. И был запах. Не пороха. Сена, лошади и... женщины. Легкий, чистый запах мыла и чего-то цветочного.

Я открыл глаза. Утро. Солнечные лучи пробивались сквозь щели в стенах сарая, освещая пыль, танцующую в воздухе. Я был один. На полу рядом стояла бутылка с водой, пачка печенья и моя «Беретта», лежащая на чистом полотенце. Рядом с ней — две обоймы. Она не просто оставила мне оружие. Она дала мне патроны.

Глупая. Храбрая. Идиотка.

Я приподнялся, стиснув зубы от боли. Рана горела огнем, но острой, разрывающей боли уже не было. Она знала свое дело. Ветеринар. Cazzo. Судьба — ублюдочная шутка.

Я вспомнил ее лицо. Не классическая красота, нет. Слиш-

ком упрямый подбородок, слишком большой рот, глаза, в которых плескался целый океан эмоций — страх, гнев, решимость. И эти веснушки на переносице. Я хотел провести по ним языком, чтобы почувствовать их вкус.

Она говорила со мной так, как не решался говорить никто последние десять лет. «Кретино». Она назвала меня кретинном. И вместо того, чтобы пристрелить ее на месте, я... заинтересовался.

Дверь скрипнула. Я мгновенно накрыл пистолет полотенцем, но не схватил его.

Вошла она. В руках у нее был таз с водой, свежие бинты и какая-то мазь. Она была в тех же джинсах и футболке, волосы были снова собраны в беспорядочный хвост. Она выглядела уставшей.

— Вы не спали? — хрипло спросил я.

Она вздрогнула, услышав мой голос, и на мгновение замерла в дверях, как олененок перед фарами. Но затем ее подбородок дернулся, и она решительно шагнула внутрь.

— Кто-то должен был следить, чтобы тебя не прикончили во сне, — сухо ответила она, ставя таз на пол. — Как себя чувствуешь?

— Как дерьмо. Но живой. Благодаря тебе.

Она кивнула, не глядя на меня, и опустилась на колени, чтобы сменить повязку. Ее пальцы были прохладными и удивительно нежными, когда она снимала старый бинт. Я смотрел, как она сосредоточенно хмурит брови, осматривая швы.

— Чисто, — пробормотала она. — Заражения пока нет. Тебе повезло.

— Мне повезло, что я наткнулся именно на тебя, — поправил я ее.

Она взглянула на меня, и в ее глазах вспыхнул огонек.

— Не говори так. Как только ты сможешь идти, ты уйдешь. Помнишь?

Я ухмыльнулся.

— Помню. Но я не думаю, что ты понимаешь, что сделала.

— Я спасала жизнь. Это моя работа.

— Ты не просто спасала жизнь. Ты вступила в мою войну. Ты стала моим союзником. Моим укрытием. В моем мире за это платят. Или наказывают.

Ее пальцы замерли на моей коже.

— Я не хочу твоей войны. И не хочу твоей оплаты.

— Слишком поздно, — тихо сказал я, глядя на то, как ее грудь вздымается от учащенного дыхания. — Ты уже в центре бури, Кьяра. Единственное, что ты можешь сделать сейчас, — это держаться за меня. Потому что я — единственное, что стоит между тобой и теми, кто хочет меня мертвым. И они не пощадят тебя.

Она замолчала, усердно нанося мазь на рану. Ее щеки покрылись румянцем. Она все понимала. Чувствовала опасность каждым нервом.

— Кто они? — наконец спросила она, почти шепотом.

— Люди, которым я доверял. Моя семья. В широком

смысле.

— Твоя... семья? — она подняла на меня шокированные глаза.

— Не та семья, о которой ты думаешь. Это бизнес. Семейный бизнес. — Я сказал это прямо, без прикрас. Пусть знает, с кем имеет дело. Пусть боится. Страх — хороший мотиватор.

Она сглотнула, ее лицо побледнело.

— Контрабанда? Оружие? — прошептала она.

— Всего понемногу, — усмехнулся я. — Но в основном... мы управляем. Людьми. Землей. Деньгами.

— Наркотики? — в ее голосе прозвучало отвращение.

Я помолчал, глядя на нее. Ее чистое, яростное отвращение было как удар хлыста. Оживляющим.

— Раньше. Теперь нет, — соврал я. Потому что в этот момент захотел, чтобы это была правда. Захотел увидеть в ее глазах не ужас, а что-то еще.

Она закончила с перевязкой и отошла, вытирая руки о полотенце.

— Мне нужно идти. У меня прием. Деревенские животные не будут ждать, пока я разберусь со своими... постояльцами.

— Никому ни слова, — напомнил я. Мой голос снова стал жестким.

— Я не идиотка, — огрызнулась она. На пороге она обернулась. — Есть ли у тебя телефон? Чтобы позвать своих...

людей.

— Выбросил, когда убегал. Он с GPS.

Она кивнула.

— Я подумаю, что делать. Не умирай, пока меня нет.

И она вышла, оставив меня в одиночестве с моими мыслями, моей болью и моим пистолетом.

Я лежал и смотрел на пыльные солнечные лучи. Кьяра. Ее имя крутилось в голове, как навязчивый мотив. Она была всем, чего в моей жизни не было. Честностью. Прямотой. Глупой, безрассудной храбростью. Она видела во мне сначала человека, потом — угрозу, но никогда — босса. Никто не смотрел на меня так с тех пор, как я надел это кольцо на палец.

Одной мысли о том, что Антонио или кто-то из его шапок может дотронуться до нее, было достаточно, чтобы моя кровь вскипела от холодной, беспощадной ярости.

Она сказала: «Как только ты сможешь ходить, ты уходишь».

Но она ошибалась.

Она спасла Волка. А Волк никогда не отпускает свое. Никогда. Особенно то, что внезапно стало самым ценным в его прогнившем мире.

Она думала, что наша история закончится, когда я уйду из этой конюшни.

На самом деле она только начиналась.

Глава 2.

КБЯРА

Прошло три дня. Семьдесят два часа жизни на лезвии бритвы. Каждый скрип машины на проселочной дороге, каждый лай Фурбо заставлял мое сердце останавливаться. Я жила в двух реальностях: одна — привычная, с приемом животных, звонками фермерам, варкой пасты на ужин; другая — потайная, темная, пахнувшая антисептиком и мужчиной, чье присутствие в моем сарае ощущалось как низкочастотный гул, исходящий из-под земли.

Я носила ему еду, воду, меняла повязки. Мы почти не разговаривали. Он был как дикий зверь в клетке — молчаливый, наблюдательный, заряженный скрытой силой. Его глаза следили за каждым моим движением, и под этим взглядом я чувствовала себя голой. Он видел не просто женщину. Он видел напряжение в моих плечах, тень под глазами от бессонницы, легкую дрожь в руках, которую я не могла усмирить.

В четвертый день вечером, когда солнце уже висело низко над холмами, окрашивая небо в кроваво-красные тона, я принесла ему суп. Он сидел, прислонившись к стене, его «Беретта» лежала на сложенном полотенце рядом, как верный пес. Он смотрел куда-то в пространство, его лицо было каменной маской, но в глазах бушевала буря.

— Есть, — коротко сказала я, ставя миску перед ним.

Он не шелохнулся. Взгляд его был пустым и направленным внутрь себя.

— Они уже должны были найти меня, — тихо произнес он, больше себе, чем мне. Его голос был хриплым от многодневного молчания. — Если бы Антонио действовал умно, он бы прочесал все окрестности. Значит, он чего-то ждет. Или кого-то.

Меня бросило в холод. — Может, он думает, что ты мертв?

— Антонио не тот человек, который верит в чью-то смерть, не увидев тела. Он знает, что я жив. Он чувствует это. Как я чувствую его предательство.

Он медленно повернул голову, и его взгляд наконец сфокусировался на мне. Он был тяжелым, почти осязаемым.

— Ты боишься, — констатировал он.

— Я была бы идиоткой, если бы не боялась, — парировала я, скрестив руки на груди. — У меня в сарае прячется глава мафии, за которым охотятся его же люди. Да, Лучо, я чертовски боюсь!

Уголок его рта дрогнул. — Хорошо. Страх держит в тонусе. Но твой страх пахнет иначе. Он не слепой, не парализующий. Он... острый. Как у загнанного в угол животного, которое готовится дать отпор. Это мне нравится.

Его слова, произнесенные с холодной, аналитической оценкой, снова вызвали во мне ту странную смесь возмуще-

ния и возбуждения. Он изучал меня. Как явление.

— Не надо меня хвалить, — проворчала я. — Ешь, пока не остыло.

Он послушно взял миску, его пальцы коснулись моих на долю секунды. Искра. Маленькая, горячая искра пробежала по моей коже. Я отдернула руку, как обожженная.

Он заметил. Конечно, заметил. Его глаза сузились, в них вспыхнул тот самый голод, который я видела в первую ночь.

— Садись, — приказал он мягко.

— Мне нужно...

— Садись, Кьяра. — В его тоне не было места для возражений.

Я медленно, нехотя опустилась на ящик напротив него, пойманная в силовое поле его воли.

Он ел молча, его движения были экономичными и точными. Даже здесь, покрытый пылью и потом, он сохранял какую-то первобытную грацию хищника. Он доел, поставил миску и вытер губы тыльной стороной ладони.

— Почему ты здесь? — спросил он неожиданно. — В этой глуши. Одна. У тебя есть... шрам. Здесь. — Он провел пальцем по воздуху у своего виска. — Ты вздрагиваешь, когда слышишь резкий звук. И твои глаза... в них живет тень. Откуда тень, Кьяра?

У меня перехватило дыхание. Он видел. Видел слишком много. За эти несколько дней он прочитал меня как открытую книгу, в то время как он для меня оставался зашифро-

ванным манускриптом на неизвестном языке.

— Это не твое дело, — прошептала я, глядя в пол.

— С момента, как ты спасла мне жизнь, все, что касается тебя, стало моим делом, — возразил он. Его голос был тихим, но в нем звучала сталь. — Я ненавижу долги. И я ненавижу неопределенность. Говори.

Это было «говори», от которого сжимается желудок. Не просьба. Требование.

И за ним стояла реальная угроза. Не физическая — нет. Но угроза того, что он может добраться до правды сам, своими методами. И его методы, я была уверена, были куда менее щадящими.

Я глубоко вздохнула, сжимая и разжимая пальцы. Зачем ему это? Чтобы найти мои слабые места? Чтобы лучше контролировать?

— Я была врачом. В римской больнице, — начала я, глядя на свои руки. — Полтора года назад. Ко мне привезли... человека. С огнестрельным ранением. Его люди привезли. Они требовали, чтобы я его прооперировала, вытащила пулю, никуда не сообщала. Угрожали. Я... я сделала все, что могла. Но он умер на столе.

Я замолчала, глотая ком в горле. Потом. Крики. Обвинения. Один из них, с ледяными глазами, взял меня за подбородок и сказал: *«Ты слишком много видела, доктор. Это плохо для здоровья».*

— Они пришли за мной через неделю, — мой голос дрог-

нул. — Я шла домой. Из машины вышли двое. Один ударил меня рукояткой пистолета по голове. Я чудом выжила. Очнулась в больнице. Меня выписали, и в тот же день мое отделение в больнице... сгорело. Сгорели все документы, в том числе и мои.

Я подняла на него глаза. Он слушал, не двигаясь, его лицо было невозмутимым, но в глубине глаз что-то шевельнулось.

— Полиция сказала, что это несчастный случай. Но я знала. Я знала, что это они. И что они не остановятся. Я исчезла. Продала все, что могла, купила это место под чужим именем и стала ветеринаром. Потому что животные не стреляют друг в друга. И не сжигают клиники.

Я закончила. В сарае повисла тишина, нарушаемая только нашим дыханием. Снаружи запели цикады.

Лучо медленно кивнул, как будто сложил последний пазл в головоломке.

— Кто он был? Тот человек? — спросил он тихо.

— Я не знаю. Не хотела знать. Но у него... на шее была татуировка. Змея, обвивающая кинжал.

Я увидела, как его лицо изменилось. Каменная маска треснула, обнажив ледяную, бездонную ярость. Его глаза потемнели, стали почти черными.

— *I Serpenti*, — прошептал он. Змеи. — Это был человек из клана Морриконе. Соперники.

Он провел рукой по лицу, и вдруг его плечи задрожали. Сначала я подумала, что это от боли, но нет. Он... смеялся.

Тихим, горьким, ядовитым смехом, в котором не было ни капли веселья.

— *Che cazzo di destino*, — выдохнул он, опуская руку. Какого чертовская судьба. — Ты сбежала от одних ублюдков, чтобы спасти другого. Ирония.

Он посмотрел на меня, и в его взгляде было что-то новое. Не просто голод и одержимость. Признание. Почти... уважение.

— Ты выжила, — сказал он. — Не сломалась. Не побежала с повинной. Ты выжила. Как я.

В его словах была какая-то первобытная правда. Мы были из разных миров, но нас объединяло одно — инстинкт выживания. Жестокий, беспощадный и единственный, что имеет значение, когда на тебя охотятся.

— Теперь ты понимаешь? — тихо спросила я. — На самом деле я не могу позвонить в полицию... Пока я должна тебя прятать. Но при первой же зацепке они найдут меня. Всегда найдут.

Он помолчал, его взгляд блуждал по моему лицу, словно заново выстраивая мой образ в своей голове.

— Они больше не найдут тебя, — наконец произнес он. Его голос был тихим, но в нем звучала абсолютная, неоспоримая уверенность. — Потому что теперь ты под моей защитой.

— Твоя защита? — я фыркнула, вставая. Мои ноги дрожали. — Ты еле жив и прячешься в сарае! Какая еще защита?

Он посмотрел на меня, и в его глазах снова вспыхнул тот самый огонь. Огонь хозяина. Волка, метящего свою территорию.

— Моя защита — это обещание, Кьяра. Обещание, что тот, кто посмеет тронуть тебя, умрет медленной и мучительной смертью. И Антонио, и все его прихвостни, и эти ублюдки из «Серпенти». Все. Я сожгу их мир дотла за одну слезу на твоих глазах. Это моя защита. И она сильнее любой полиции.

Он говорил это без пафоса, как констатацию факта. Как будто сообщал, что земля крутится вокруг солнца. И я... я поверила ему. В этот безумный, ужасный момент я поверила каждому слову.

Страх внутри меня смешался с чем-то темным, запретным, пьянящим. Это была не безопасность. Нет. Это было падение в бездну с единственным человеком, который знал, как в этой бездне выжить.

Я не нашла, что сказать.

Я просто стояла и смотрела на него, на этого раненого короля преступного мира, который только что объявил меня своей собственностью и своей клятвой.

Он медленно, преодолевая боль, поднялся на ноги. Он был выше, чем я думала. Его тень накрыла меня целиком. Он шагнул ко мне, и я не отступила. Не могла. Была парализована.

Он поднял руку и снова коснулся моих волос. На этот раз

его пальцы были нежными, почти ласковыми.

— Теперь твои демоны — мои демоны, — прошептал он, его губы были в сантиметрах от моего виска. Его дыхание обжигало кожу. — А мои демоны... они очень, очень голодны.

И тогда он сделал это. Он наклонился и прижался губами к тому самому шраму у меня на виске. Поцелуй был быстрым, горячим, как прикосновение раскаленного железа. В нем не было страсти. Было заклинание. Клеймо.

Я ахнула, отскакивая, как будто меня ударило током. Сердце колотилось где-то в горле.

— Не делай так больше, — выдохнула я, но в моем голосе не было убедительности. Была только дрожь.

Он ухмыльнулся, его глаза горели триумфом.

— Или что? — бросил он вызов.

Я не ответила. Я выбежала из сарая, в ночь, под крики цикад, чувствуя жар его губ на своей коже и понимая одну простую, ужасную вещь.

Побег был невозможен. Не потому, что он не отпустит. А потому, что часть меня... уже не хотела убегать.

ЛУЧО

Она выбежала, оставив меня в одиночестве с эхом ее страха и... чего-то еще. Чьего-то запаха. Чужого.

Я замер, все мои чувства обострились до предела. Это был не Фурбо. Не она. Чужой.

Я схватил «Беретту» и прижался к стене у маленького запыленного окошка, выходящего на задний двор. Сумерки сгущались, но я разглядел фигуру. Мужчина. Средних лет, в рабочей одежде, с бутылкой в руке. Он неуверенно стоял, оглядываясь, потом пошатнулся и направился к дому.

Пьяница. Сосед. Ничего угрожающего.

Но ядовитое семя ревности, темное и иррациональное, уже было посеяно. Кто он? Почему пришел? Он имеет на нее виды? Он трогал ее?

Ярость, горячая и слепая, ударила в голову. Моя. Это слово гремело в моем сознании с первобытной силой. Она была моей. Моей находкой. Моим спасением. Моей... единственной отдушиной в этом аду.

Я наблюдал, как зажегся свет в доме, как она открыла дверь. Я не слышал слов, но видел, как она качает головой, отказываясь от бутылки. Видел, как он настойчиво сует ее ей в руки. Видел, как она отступает на шаг, и ее поза говорит о раздражении.

Этого было достаточно.

Боль ушла на второй план, уступив место холодной, целенаправленной ярости. Я вышел из сарая. Не скрываясь. Земля была влажной под босыми ногами, но я не чувствовал холода. Я подошел к нему сзади, бесшумно, как тень.

Она первая увидела меня. Ее глаза расширились от ужаса. Она попыталась что-то сказать, но было поздно.

Я положил руку ему на плечо. Он обернулся, и его пья-

ное, самодовольное выражение лица сменилось замешательством, а затем страхом.

— *Chi cazzo sei?* — пробормотал он. — Кто ты, черт возьми?

— Человек, который просит тебя оставить синьорину в покое, — сказал я тихо. Мой голос был ледяным и ровным.

Он попытался вырваться, но мои пальцы впились в его мышцы как клещи.

— А ну отпусти! Я здесь сосед! Я имею право...

— Ты не имеешь никаких прав, — перебил я его. — Особенно по отношению к ней. Уходи. И если я еще раз увижу тебя здесь, ты уйдешь отсюда без ног. Понял?

Я не повышал голос. Не нужно. Холодная уверенность в моих словах была страшнее любой угрозы, выкрикиваемой в гневе.

Он побледнел, его пьяная бравада испарилась, обнажив трусливую сущность. Он что-то пробормотал, вырвался из моей хватки и, почти не падая, побежал прочь в темноту.

Я повернулся к Кьяре. Она стояла на пороге, бледная как полотно, прижимая ладонь к груди.

— Ты... Ты сумасшедший! — выдохнула она. — Он мог узнать тебя! Он мог позвонить в полицию!

— Он ничего не сделает, — спокойно сказал я, подходя ближе. — Такие, как он, боятся силы. А я только что показал ему ее. Он теперь будет обходить это место за километр.

— Ты не имел права! — ее голос дрожал от гнева и чего-то

еще... может, от того же возбуждения, что клокотало во мне.

— Имел, — возразил я, останавливаясь перед ней.

Мы были так близко, что я чувствовал исходящее от нее тепло. — Ты сказала, что мы не видели друг друга. Что мы незнакомы. Но это ложь. Ты и я... мы теперь связаны кровью. Моей кровью, которую ты сшила. И моим словом, которое я тебе дал. Ты под моей защитой. А это значит, что никто, nessuno, не имеет права доставлять тебе неудобства. Никто.

Она смотрела на меня, ее губы были приоткрыты от возмущения, а в глазах бушевала буря. Она была прекрасна. Дикая, яростная, живая.

— Ты не мой хозяин, — прошептала она.

— Нет, — согласился я. — Но я твой Волк. И Волк не терпит чужаков на своей территории.

Я не стал ждать ответа. Я повернулся и пошел обратно в сарай, оставляя ее стоять одну на пороге, с бьющимся сердцем и с новым, еще более глубоким пониманием того, в какую игру она ввязалась.

Игра только начиналась. И ставки росли с каждой минутой. Но самой большой ставкой была она. И я не собирался проигрывать.

Глава 3.

КБЯРА

Прошла неделя. Семь дней, за которые границы между реальностью и кошмаром окончательно стерлись. Лучо больше не был призраком в моем сарае. Он был повсюду. Его молчаливое присутствие витало в воздухе, которое я вдыхала. Его взгляд, тяжелый и всевидящий, я чувствовала на своей спине, даже когда закрывала дверь в дом. Он стал моим личным демоном, моим наваждением.

Его рана заживала с пугающей, почти звериной скоростью. Он уже мог стоять и медленно передвигаться по сараю. Каждый день я заставляла его за странными, отточенными движениями — упражнениями на растяжку, отжиманиями на одной руке, чтобы не напрягать бок. Это был не просто процесс восстановления. Это была тренировка. Подготовка к бою. Он оттачивал себя, как клинок, и от одного этого зрелища у меня перехватывало дыхание.

Мы почти не разговаривали. Наши диалоги сводились к коротким фразам: *«Как рана?»*, *«Нормально»*, *«Есть»*, *«Спасибо»*. Но это молчание было громче любого крика. Оно было насыщено невысказанным. Его взгляд говорил за него: *«Ты моя»*. А мое тело, к моему ужасу, начинало ему отвечать.

В ту ночь на небе не было луны. Гроза висела в возду-

хе, тяжелая и душная. Я лежала в своей кровати, ворочаясь, прислушиваясь к каждому шороху. Ветер завывал в щелях, и мне почудилось, что это чьи-то шаги. Воображение, накачанное адреналином и страхом, рисовало ужасные картины: из темноты выходят люди Антонио, находят его, находят меня...

Я не выдержала. Я встала, накинула халат и с фонариком в дрожащей руке вышла во двор. Мне нужно было убедиться, что с сараем все в порядке. Что с ним все в порядке.

Я тихо приоткрыла дверь. Внутри было темно и душно. Лучо не спал. Он сидел в том же углу, его силуэт угадывался в темноте. Он что-то держал в руках. Я направила на него луч фонаря.

Он сидел, склонив голову над... моим старым свитером. Тем самым, который я накинула на него в первую ночь, когда ему было холодно. Он держал его в руках и, казалось, просто вдыхал запах.

Увидев свет, он резко поднял голову. Его глаза отразили свет фонаря, как у настоящего волка. В них не было ни смущения, ни удивления. Только все та же жгучая, не скрываемая более одержимость.

— Не могла уснуть? — его голос был низким, хриплым от безмолвия ночи.

Я не знала, что сказать. Стыд, гнев и какое-то темное, запретное любопытство боролись во мне.

— Мне показалось, я слышала шаги, — соврала я, опуская

фонарь.

— Это ветер, — он отложил свитер. — И твои нервы. Подойди сюда.

— Нет.

— Кьяра. — Одно слово. И снова эта железная воля, против которой я была бессильна. Мои ноги сами понесли меня через сарай. Я остановилась в паре шагов от него.

Он поднялся на ноги. Он был без рубашки, только в джинсах. Повязка на его боку была белым пятном в темноте. Тело его было иссечено шрамами — старыми и новыми. История насилия, вытравленная на коже. Он был ужасен. И прекрасен.

— Ты дрожишь, — заметил он.

— Холодно.

— Врешь. — Он шагнул ко мне. Теперь нас разделяли сантиметры. Я чувствовала исходящее от него тепло. — Ты боишься. Но не их. Ты боишься меня. И себя.

Его рука поднялась, и он провел тыльной стороной пальцев по моей щеке. Прикосновение было шершавым, обжигающим. Все мое тело вздрогнуло и замерло.

— Перестань, — прошептала я, но это прозвучало как мольба.

— Почему? — его пальцы скользнули ниже, по моей шее, к ключице. — Ты хочешь этого. Так же, как и я. Я вижу это в твоих глазах каждый раз, когда ты на меня смотришь. В том, как ты задерживаешь дыхание, когда наши руки сопри-

касаются.

Он был прав. Черт возьми, он был прав. И это было самым ужасным.

— Это неправильно, — выдохнула я, чувствуя, как подкашиваются ноги.

— В моем мире нет правильного и неправильного, — прошептал он, наклоняясь так близко, что его губы почти касались моих. Его дыхание смешалось с моим. — Есть сила. И есть желание. А я желаю тебя с той самой минуты, как открыл глаза и увидел твое лицо. Ты думала, что спасаешь человека? Нет. Ты выпустила на волю голодного зверя. И теперь он хочет свою награду.

И прежде, чем я успела что-то сказать, сделать, вырваться, его губы нашли мои.

Это не был нежный поцелуй. Это было завоевание. Наказание. Утоление жажды. Его губы были жесткими, властными, они заставили мои раскрыться. Его язык вторгся в мой рот с дикой, животной прямоотой. Вкус его был терпким, мужским, с примесью крови и чего-то неуловимого, что было сутью его — опасностью и властью.

Я пыталась сопротивляться. Сжала кулаки и ударила его по груди. Но удар был слабым, бессильным. Мое тело предавало меня. Оно отвечало ему. Жар разлился по жилам, собравшись тяжелым, пульсирующим комком внизу живота. Стон вырвался из моей груди, но он был не протестующим, а сдавленным от наслаждения.

Одной рукой он обхватил мою талию, прижимая меня к себе так плотно, что я чувствовала каждый мускул его тела, каждую выпуклость. Другая рука вцепилась в мои волосы, откинув голову назад, давая ему еще более глубокий доступ. Он пил меня, как умирающий от жажды. И я тонула в этом поцелуе, в этой лихорадке, забывая обо всем — о страхе, о прошлом, о том, кто он и кто я.

Когда он наконец отпустил мои губы, мы оба тяжело дышали. Я шаталась, держась за него, чтобы не упасть. Его глаза пылали в темноте триумфом и неуголенной страстью.

— *Vedi?* — хрипло прошептал он. — Видишь? Ты моя. Твои губы говорят «нет», а твое тело кричит «да». Все твое существо кричит мне «да».

Я оттолкнула его, отступая, пошатываясь. Стыд и ярость нахлынули на меня с новой силой.

— Не трогай меня больше! — просипела я, вытирая губы тыльной стороной ладони. — Никогда!

Он ухмыльнулся, его грудь вздымалась. — Мы оба знаем, что это ложь. Ты сама пришла ко мне ночью. Ты искала этого.

Я не стала его слушать. Я выбежала из сарая, в душную, грозовую ночь, поднимаясь к дому. Но на полпути меня оставила знакомая тошнота. Головокружение. Мир поплыл перед глазами.

«*Нет, только не сейчас*», — умоляла я саму себя. Но было поздно. Паническая атака, та самая, что преследовала меня с тех пор, как на меня напали в Риме, накрыла с новой силой.

Земля ушла из-под ног. Я рухнула на колени на мокрую от росы траву, судорожно хватая ртом воздух, который не хотел заполнять легкие. Сердце колотилось, готовое выпрыгнуть из груди. Темнота сгущалась на краях зрения.

«Они здесь. Они нашли меня. Сейчас убьют».

Последнее, что я почувствовала, прежде чем сознание начало уплывать, — сильные руки, которые подхватили меня. И низкий, властный голос где-то у самого уха:

— Дыши, Кьяра. Со мной. Дыши. Никто не тронет тебя. Пока я жив — никто.

И я, как загипнотизированная, повиновалась, ловя его ритм, вдыхая его запах — единственную точку опоры в рушащемся мире.

ЛУЧО

Она была легкой, как пушинка, в моих руках. Дрожащей, хрупкой птичкой с перебитым крылом. Ее паника была физической, почти осязаемой волной. Я внес ее в дом — ее дом, ее святилище, куда я до сих пор не ступал.

Он был таким, каким я и представлял: простым, уютным, пахнущим травами и мылом. Полки с книгами, засохшие цветы в вазе, фотографии каких-то людей на камине. Чужой мир. Мир, в котором мне не было места.

Я уложил ее на диван, не отпуская. Она цеплялась за мою руку, ее пальцы впивались в мое предплечье с силой отчаяния.

— Уходи... — бормотала она, зажмурившись. — Пожа-
луйста, уходи...

— Замолчи, — приказал я мягко, садясь рядом и прижи-
мая ее голову к своей груди. — Просто дыши.

Я гладил ее волосы, ее спину, чувствуя, как судорожные
вздрагивания постепенно стихают. Ее дыхание выравнива-
лось, становясь глубже. Она плакала. Тихие, бессильные сле-
зы, которые она, я был уверен, никому не позволяла видеть.

И в этот момент я понял кое-что. Моя одержимость ею
была не только желанием обладать красивой женщиной. Она
была... светом. Хрупким, чистым светом в моем абсолют-
но темном мире. И я, грязное, испорченное чудовище, хотел
прикоснуться к этому свету, обжечься о него, спрятать его
от всех, чтобы он светил только мне.

Она была моим противоядием. И моим самым страшным
наркотиком.

— Они... они всегда возвращаются, — прошептала она
в мою грудь. — Во снах. В звуках. Я никогда не буду в без-
опасности. Никогда.

— Ты будешь, — сказал я, и в моем голосе не было места
сомнениям. — Я уничтожу всех, кто посмеет напугать тебя.
Я сожгу их дотла. Это мое обещание тебе.

Она подняла на меня заплаканные глаза. Они были огром-
ными, полными боли и недоверия.

— Почему? Почему ты так говоришь? Ты едва знаешь ме-
ня.

Почему? Потому что ты первая за долгие годы, кто увидел во мне человека, а не босса. Потому что твои руки, спасающие жизни, коснулись моей кожи, не зная, кому она принадлежит. Потому что твой страх чист, а не подл. Потому что ты не такая, как все.

Но я не сказал этого вслух.

— Потому что ты моя, — ответил я просто, как констатацию факта. — А я никогда не отдаю своего. Никогда.

Она смотрела на меня, и я видел, как в ее глазах борются страх и... надежда. Проклятая, слабая надежда, которую я сам в ней и разжег.

Она медленно освободилась из моих объятий и села, отодвинувшись. Она снова стала закрываться, возводить стены.

— Тебе нужно вернуться в сарай, — сказала она, не глядя на меня. — Если кто-то увидит...

— Кьяра, — я взял ее за подбородок и заставил посмотреть на себя. — Тот поцелуй... он не был ошибкой.

Она сглотнула.

— Для меня был.

— Врешь, — я провел большим пальцем по ее все еще влажной от слез щеке. — Твое тело не врет. А твое тело хочет меня. Так же сильно, как мое хочет тебя.

Я встал. Боль в боку напомнила о себе, но я ее проигнорировал. Я посмотрел на нее, сидящую на диване, такую же потерянную и одинокую, как и я, и почувствовал незнакомое до сего момента чувство. Не просто желание. Ответственность.

— Спи, — сказал я. — Я буду стоять на страже.

И я вышел, оставив ее одну в ее доме, но забрав с собой частицу ее страха. И частицу ее огня.

Ночь была по-прежнему душной, но гроза так и не началась. Она висела в воздухе, неразряженная, как и наше желание. Как и наша общая, невысказанная боль.

Я вернулся в сарай, сел на свое место и взял в руки «Беретту». Холодный металл успокаивал.

Она думала, что наш поцелуй был битвой, которую она проиграла. Она ошибалась. Это было только начало войны. Войны за ее душу. И я не собирался уходить с поля боя.

Я был Лучо «Волк» Росси. И я всегда получал то, что хотел. А я хотел ее. Всю. Ее тело, ее душу, ее страх, ее огонь. Все.

И ничто во всем этом проклятом мире не могло мне помешать.

Глава 4. 18+

КБЯРА

Тот поцелуй разделил мою жизнь на «до» и «после». Теперь даже воздух в сарае был другим — густым, заряженным, как перед ударом молнии. Я приносила ему еду, и мои пальцы дрожали, ставя тарелку на пол. Я меняла повязку, и его кожа под моими пальцами казалась раскаленной. Он больше не просто смотрел. Он пожирал меня взглядом. И я... я отвечала ему тем же. Тихо, тайно, сгорая от стыда и желания.

Прошло еще два дня. Его подвижность росла. Теперь он мог выходить во внутренний дворик сарая, скрытый от посторонних глаз высоким забором. Он стоял там, под слабым осенним солнцем, босой, в джинсах, с повязкой на боку, и смотрел на холмы. Его спина, покрытая сетью старых шрамов и мощных мышц, была картой мира, в котором я заблудилась.

В тот день я пришла к нему днем. В руках у меня была не еда, а пачка его денег, которые я нашла в кармане его куртки, когда стирала ее. Я бросила ее перед ним.

— Вот. Бери. И уходи.

Он медленно повернулся. Его лицо было невозмутимым.

— Что это значит?

— Это значит, что ты почти здоров. Ты можешь идти.

Найди своих людей. Закончи свои дела. Наш... договор исполнен.

Он посмотрел на деньги, потом на меня. В его глазах не было ни злости, ни удивления. Было холодное, хищное любопытство.

— Ты хочешь, чтобы я ушел? — переспросил он тихо.

— Да.

— Врешь. У тебя забавная привычка.

Он сделал шаг ко мне. Я отступила, наткнувшись спиной на косяк двери. Ловушка.

— Ты дрожишь, Кьяра. Но не от страха. От того, что стоишь так близко ко мне. Ты боишься не того, что я уйду. Ты боишься того, что случится, если я останусь.

— Я боюсь тебя! — выкрикнула я, и в голосе моем слышалась правда. Но не вся.

— Нет. Ты боишься себя. Той части себя, которая хочет, чтобы я остался. Которая хочет, чтобы я снова прикоснулся к тебе. По-настоящему.

Он был так близко, что я чувствовала тепло его кожи. Запах его — мыла, пота, мужской силы — ударил в голову, как наркотик.

— Уйди, Лучо. Пожалуйста.

— Скажи это, глядя мне в глаза, — бросил он вызов. — Скажи: *«Лучо, я не хочу тебя»*. И я уйду. Сейчас же.

Я открыла рот. Простые слова. *«Я не хочу тебя»*. Но они застряли в горле, как кость. Я не могла их выговорить. По-

тому что это была бы ложь.

Мое молчание было для него всем ответом. Триумф зажегся в его глазах. Он поднял руку и медленно, давая мне время отстраниться, провел пальцами по моей щеке, вдоль линии челюсти, к губам.

— *Vedi?* — прошептал он. Видишь?

И тогда во мне что-то сорвалось. Все накопленное напряжение, страх, ярость, отчаяние и это проклятое, всепоглощающее влечение вырвалось наружу.

— Да! — прошипела я, хватая его за запястье. — Да, черт тебя дери, я хочу тебя! Я ненавижу себя за это, я боюсь тебя, но я хочу! Доволен? Тебе нужна была эта победа?

Его лицо озарила не улыбка, а нечто темнее, первозданнее. Голод. Чистый, неудержимый голод.

— Это не победа, — его голос был низким, как рык. — Это начало.

Он наклонился и снова поцеловал меня. Но на этот раз это было не завоевание. Это было соглашение. Взаимное. Яростное. Я вцепилась пальцами в его волосы, притягивая ближе, отвечая ему с той же дикостью. Я кусала его губы, а он — мои. Это была не нежность. Это была битва, в которой мы оба были и победителями, и пленниками.

Его руки скользнули под мою футболку, шершавые ладони обожгли кожу на моей спине. Я вскрикнула от прикосновения, будто сопротивляясь. Он оторвался от моих губ, его дыхание было горячим и прерывистым.

— Скажи мне остановиться, — прошептал он, прижимаясь лбом к моему, его глаза пылали так близко. — Скажи это сейчас, или я уже не смогу.

Я посмотрела в эти глаза — в бездну зла, страсти и какой-то безумной, искренней правды. И я сделала свой выбор. Я выбрала падение.

— Не останавливайся, — выдохнула я.

Этого было достаточно. Словно сорвался с цепи, он подхватил меня на руки. Я вскрикнула, обвинив его шею. Боль в его боку должно быть, была адской, но он не подал вида. С непроницаемым лиом пронес меня через сарай и опустил на груды свежего, пахнущего летом сена в дальнем, самом темном углу.

Солнечный луч, пробивавшийся сквозь щель в крыше, падал на нас, освещая кружащиеся в воздухе пылинки. Мы были в золотой пыли, как в самом сердце бури.

Он срывал с меня одежду, а я с него. Его руки, его губы, его язык были повсюду — на моей груди, на животе, на бедрах. Он исследовал мое тело с жадностью человека, нашедшего источник в пустыне. И я делала то же самое. Я касалась шрамов на его спине, впивалась ногтями в его мощные плечи, чувствуя, как он вздрагивает под моими прикосновениями.

— *Sei così bella*, — хрипел он, целуя мое горло. Ты так прекрасна. — *Tutta mia*. Вся моя.

— Да, — стонала я, уже не в силах лгать. В этот момент,

в этом темном углу, на груди сена, я была его. Только его.

Когда он вошел в меня, это было не больно. Это было... неизбежно. Как гром после молнии. Как прилив после отлива. Он заполнил меня всю, вытеснив весь страх, всю боль, все мысли. Осталось только это — дикое, первобытное ритмичное движение, пот, смешанный с дыханием, его хриплый шепот проклятий и ласковых слов на итальянском у самого моего уха.

Я обнимала его ногами, прижимая к себе, глубже, требуя больше. Мир сузился до запаха сена, до ощущения его кожи под моими ладонями, до звука нашего совместного дыхания. Я летела в пропасть, и он летел со мной.

Его имя сорвалось с моих губ в момент кульминации — не крик, а стон, полный отчаяния и признания. Он ответил мне своим, зарывшись лицом в мою шею, и его тело напряглось в последнем, мощном толчке.

Тишина. Только наше тяжелое дыхание. Он лежал на мне, такой тяжелый, такой реальный. Его сердцебиение стучало в такт моему. Я чувствовала каждую клеточку его тела. И знала, что ничего уже не будет прежним.

Он медленно приподнялся на локтях, глядя на меня. Его лицо было серьезным, почти суровым. Он провел пальцем по моей щеке, смахивая слезу, о которой я сама не знала.

— *Mia*, — повторил он. Моя.

На этот раз я не стала спорить.

ЛУЧО

Она лежала подо мной, ее кожа была влажной и горячей, ее глаза — огромными и темными, полными того шока, который испытываешь после падения с большой высоты. Я чувствовал, как бьется ее сердце — быстро, как у пойманной птицы. Но она не пыталась улететь. Она смотрела на меня. И в ее взгляде была не только растерянность. Было принятие.

Этот момент, эта тишина после бури, была сильнее любого оргазма. Сильнее любой победы в бизнесе. Я обладал женщинами красивее, опытнее. Но ни одна из них не смотрела на меня так. Как будто видела не босса, не монстра, а просто мужчину. Голодного, израненного, одержимого мужчину.

Я откатился на бок, уложив ее голову себе на плечо. Она не сопротивлялась. Ее рука легла на мою грудь, ладонью вниз. Ее прикосновение было легким, но оно жгло сильнее любой пули.

Мы лежали молча. Снаружи доносилось пение птиц. Обычный мир. Мир, который для нас обоих перестал существовать.

— Я не пожалею об этом, — тихо сказала она. Не вопрос. Констатация.

— Нет, — согласился я. — Не пожалеешь.

— Что теперь? — ее голос был усталым, смирившимся.

— Теперь, — я повернулся к ней, заставляя посмотреть на себя, — мы заканчиваем то, что начали. Я возвращаю себе то, что мое. И ты будешь со мной.

Она покачала головой, но в ее глазах не было отказа. Была лишь тень старого страха.

— Твой мир... он убьет меня.

— Мой мир уже пытался убить тебя однажды. И не смог. Потому что теперь ты под моей защитой. А моя защита — это не просто слова. Это клятва, скрепленная кровью. И теперь, — я положил руку на ее низ живота, туда, где еще пульсировало эхо нашей страсти, — и плотью.

Она сомкнула веки, и по ее щеке скатилась еще одна слеза.

— Я не могу вернуться к той жизни. К страху.

— Ты не вернешься. Ты будешь не в моем мире. Ты будешь над ним. Ты будешь той тихой гаванью, в которую я буду возвращаться. Той чистотой, которая будет смывать с меня всю грязь. Ты будешь моей.

Она открыла глаза и посмотрела на меня. И в ее взгляде я наконец увидел не борьбу, а решение.

— А если я скажу «нет»?

Я улыбнулся. Это была не добрая улыбка.

— Ты уже сказала «да». Здесь. На этом сене. Твоим телом. Твоими слезами. Ты отдалась мне не потому, что я тебя заставил. А потому, что хотела этого. Так же, как я. Ты моя, Кьяра. И ничто в этом мире не изменит этого факта. Это было неизбежно с момента нашей встречи.

Я наклонился и поцеловал ее. Медленно, глубоко, без спешки. Поцелуй хозяина. Поцелуй любовника. Она ответила мне, ее рука сжала мои волосы.

Когда мы разъединились, в ее глазах был уже не страх, а вызов.

— Хорошо, — прошептала она. — Но на моих условиях. Мои условия? У меня вырвался короткий хриплый смешок.

— Какие же?

— Ты не принесешь свою войну ко мне в дом. Ты не превратишь меня в одну из своих... вещей. И если я когда-нибудь скажу «хватит» ... ты отпустишь меня.

Я смотрел на нее, на эту хрупкую, но негибемую женщину, которая даже в момент полной капитуляции пыталась диктовать свои условия. Моя ярость смешалась с бесконечным, диким восхищением.

Я взял ее руку и поднес к своим губам, поцеловав костяшки пальцев.

— *D'accordo*, — сказал я. Согласен. — Но насчет последнего... никогда.

Я видел, как она сглотнула. Она поняла. Поняла, что вступила в сделку, из которой не было выхода. Что я был ее тюрьмой и ее защитой. Ее проклятием и ее спасением.

Она села, натягивая на себя одежду. Ее спина была прямой, поза — полной достоинства, даже сейчас, даже после того, как мы занимались любовью в пыли и сене.

— Когда мы уезжаем? — спросила она, не глядя на меня.

— Завтра, — сказал я. Завтра ее старая жизнь умрет, и родится новая. Моя. — Мои люди уже в пути. Они найдут

нас здесь к утру.

Она кивнула, все так же не поворачиваясь.

— Я ненавижу тебя за это, — тихо сказала она.

Я встал и подошел к ней сзади, обняв ее за талию, прижав к своей груди. Она вздрогнула, но не оттолкнула.

— Ври, — прошептал я ей в ухо. — Ври, сколько хочешь. Ты такая сексуальная, когда это делаешь... Но мы оба знаем правду.

Правда была в том, как ее тело тут же отозвалось на мое прикосновение. В том, как она откинула голову мне на плечо. В том, как ее рука легла поверх моей.

Правда была в том, что мы были двумя половинками одного проклятого целого. И завтра это целое должно было столкнуться с миром, который пытался его уничтожить.

Но пока была ночь. И мы были одни.

Глава 5.

КБЯРА

Он сказал *«завтра»*. Это слово повисло в воздухе, тяжелое и неумолимое, как приговор. Всю ночь я лежала без сна, прислушиваясь к его дыханию. Он спал рядом, его мощное тело излучало тепло, одна рука лежала на моей талии, как железный обруч. Помешанность. Это была именно она. Он не просто желал меня. Он впился в меня когтями и зубами, как голодный зверь в единственный источник пищи в пустыне.

С рассветом пришли они.

Не с грохотом машин и криками, а тихо, как призраки. Я слышала сдержанный гул двигателя, затем — три коротких сигнала клаксона, повторяющихся с интервалом. Лучо мгновенно проснулся. В его глазах не было и тени сна — только холодная, отточенная готовность.

— Мои люди, — коротко бросил он, поднимаясь и натягивая джинсы. — Одевайся. Бери только самое необходимое.

Сердце ушло в пятки. *«Самое необходимое»*. А что это? Одежда? Фотографии? Прошлая жизнь, уместающаяся в одну сумку? Я механически выполняла его приказы, чувствуя, как внутри все замирает. Я подошла к окну.

Снаружи, на пыльной дороге, стояли три черных внедорожника. Рядом с ними — несколько мужчин в темных ко-

стюмах. Они не суетились, не курили. Они стояли, как статуи, их позы излучали опасную, сдержанную силу. Но мое внимание привлекли не они.

Из машины вышел он. Высокий, худощавый, с седыми висками и лицом, высеченным из мрамора. Его костюм сидел безупречно. Он не смотрел по сторонам. Его взгляд был прикован к дверце моего дома. И в этом взгляде была не просто преданность. Было благоговение. И леденящий душу холод.

Лучо вышел ему навстречу. Он был босой, в джинсах, с повязкой на боку, но он шел с осанкой императора, возвращающегося на трон. Двое мужчин мгновенно ринулись к нему, но он отстранил их легким движением руки.

— Дон Лучо, — старик склонил голову. Его голос был ровным, почти без интонаций. — *Grazie a Dio*. Мы уже думали...

— Где Антонио? — голос Лучо разрубил утро, как лезвие. Никаких приветствий. Никаких эмоций. Только дело.

— В Палермо. Он думает, что вы мертвы. Укрепился в вашей вилле. Устраивает пир.

На губах Лучо появилась та самая улыбка, от которой стынет кровь. — Прекрасно. Пусть веселится. Это его последний пир.

Я стояла в дверях, не в силах пошевелиться. Лучо обернулся и жестом подозвал меня.

— Витторио, это Кьяра. Та, кому я обязан жизнью. — Его

взгляд, устремленный на меня, смягчился на микросекунду, но в нем по-прежнему горел огонь одержимости. — Кьяра, это Витторио. Мой *consigliere*. Моя правая рука.

Витторио повернул ко мне свой ледяной взгляд. Он медленно, с преувеличенной почтительностью склонил голову.

— *Signorina*, — произнес он. — Весь наш клан в неоплатном долгу перед вами.

Но его глаза, холодные и пронизательные, как скальпель, говорили совсем о другом. Они оценивали, взвешивали, вычисляли. Они видели во мне не спасительницу, а проблему. Угрозу. Я была чужаком, ворвавшимся в их закрытый, жестокий мир. И Витторио явно задавался вопросом — какую цену я за это заплачу.

— Мы должны ехать, дон Лучо, — мягко, но настойчиво сказал Витторио. — Каждая минута на счету.

Лучо кивнул и протянул руку ко мне. — Поехали.

Это не было предложением. Это был приказ. Я сделала шаг, потом другой, мои ноги были ватными. Я прошла мимо Витторио, чувствуя на себе его колющий взгляд. Один из людей Лучо, молодой парень с пустыми глазами, открыл заднюю дверцу внедорожника.

И тут я увидела его. На сиденье лежал пистолет с длинным стволом — глушителем. Рядом — сложенный балахон и перчатки. Вещи, не оставляющие следов.

Лучо следил за моим взглядом. Он ничего не сказал. Он просто ждал.

Это был момент истины. Последний шанс оступиться, отказаться, вернуться в свой дом, к своей старой жизни. Но я знала — этой жизни больше не существовало. Она сгорела в тот момент, когда я позволила ему поцеловать себя. Когда ответила ему на поцелуй.

Я глубоко вздохнула, пахнущий бензином и дорогой кожей воздух, и шагнула в салон. Мир за дверцей был мягким, тихим, мертвым. Лучо сел рядом, его бедро прижалось к моему. Дверь захлопнулась с глухим стуком. Приговор был приведен в исполнение.

Витторио сел на переднее пассажирское сиденье. Колонна машин тронулась, плавно и бесшумно.

— Рассказывай, — приказал Лучо, откинувшись на спинку сиденья. Его пальцы сцепились с моими, железная хватка, не оставляющая выбора.

Витторио начал свой доклад. Голос его был монотонным, как стук метронома. Он говорил о предательстве, о смещенных соратниках, о переделе сфер влияния, о деньгах, о крови. Это был язык, на котором я не говорила. Язык власти, страха и смерти.

Я смотрела в окно, на уходящие назад холмы Тосканы, на свою маленькую, уютную конюшню, которая становилась все меньше и меньше, пока не исчезла из виду. Я чувствовала, как что-то внутри меня рвется, ломается, умирает.

Лучо слушал, не проронив ни слова. Его лицо было каменной маской. Но пальцы, сжимающие мою руку, выдавали

его. Они были не просто властными. Они были... цепкими. Как будто он черпал в моем прикосновении силы, чтобы снова стать тем, кем был — Волком, готовым к кровавой охоте.

Внезапно Витторио замолчал. Он повернулся и протянул Лучо тонкий планшет.

— Мы перехватили это вчера. От Антонио. Всем капо.

Лучо взял планшет. Я видела, как его лицо искажается гримасой чистого, немого бешенства. Он передал планшет мне.

На экране была фотография. Свадебная фотография. Молодой Лучо, улыбающийся, с рукой вокруг талии невероятно красивой темноволосой женщины. А рядом, крупным планом, был снимок... моей конюшни. И красной стрелкой было указано на ее окно.

Мое сердце остановилось.

— Он знает, — прошептала я. — Он знает про меня.

— Он знает про место, — поправил Лучо. Его голос был тихим и страшным. — Но он не знает, кем ты для меня стала. Пока нет. Он послал бы людей. Чтобы проверить. Чтобы убрать все следы.

Я смотрела на фотографию его молодого, счастливого лица. На женщину рядом с ним.

— Кто она? — спросила я, хотя боялась услышать ответ.

— Моя жена, — безразлично ответил Лучо. — Бывшая. Она мертва. Антонио был на нашей свадьбе. Он знает все мои слабые места. И думает, что нашел новое.

Он взял планшет и швырнул его на сиденье напротив.

— Он ошибся, — сказал Лучо, и его глаза встретились с моими. В них не было ни капли сомнения. Только абсолютная, первобытная уверенность. — Ты не мое слабое место, Кьяра. Ты моя сила. И сегодня он это узнает.

Он повернулся к Витторио.

— Измени маршрут. Едем прямо на виллу.

Витторио, всегда невозмутимый, на мгновение замер.

— Дон Лучо... это опасно. У него там человек двадцать. Все вооружены.

— Тем лучше, — улыбнулся Лучо. Улыбка была холодной и безрадостной. — Я хочу видеть выражение его лица, когда я войду. Хочу, чтобы он понял. Никто не трогает то, что принадлежит мне. Никто.

Его взгляд снова вернулся ко мне. Он поднял наши сцепленные руки к своим губам и прижался к моим костяшкам. Жест был почти нежным, но в его глазах горел ад.

— Ты увидишь, кто я на самом деле, *amore mio*, — прошептал он. — Ты увидишь мир, в который вошла по своей воле. И после сегодняшнего дня у тебя не останется иллюзий.

Я смотрела на него, на этого человека, который был моим спасителем и моим тюремщиком, моей страстью и моим проклятием. Я видела в его глазах не только одержимость. Я видела судьбу. Нашу общую, кровавую судьбу.

И вместо того, чтобы кричать, вырывать руку, умолять

остановиться, я просто кивнула. Потому что он был прав. Побег был невозможен. Оставалось только одно — идти до конца.

Я откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза, чувствуя, как машина набирает скорость, унося нас навстречу буре. Буре по имени Лучо Росси.

Глава 6.

ЛУЧО

Вилла. Мое родовое гнездо. Белокаменное палаццо на утесе над Тирренским морем, где я вырос, где умер мой отец, где я стал Боссом. И где сейчас пиновала крыса, решившая, что может узурпировать мой трон.

Машина мчалась по серпантину, и с каждым поворотом во мне закипала все более темная, все более сладостная ярость. Кьяра сидела рядом, бледная, как мрамор статуи, ее рука все еще была в моей. Она не отнимала ее. Смотрела в окно, но я видел отражение ее глаз в стекле — огромных, полных ужаса и... острого, запретного любопытства. Она боялась, но не отворачивалась. Она хотела видеть. Моя дикая, прекрасная птица в золотой клетке, которая смотрела на приближающуюся бурю.

Витторио обернулся. Его лицо было маской спокойствия, но в глазах я читал беспокойство.

— Дон Лучо, протокол... мы должны доставить вас в безопасное место, собрать верных людей...

— Протокол? — я тихо рассмеялся. — Протокол для мертвецов, Витторио. А я жив. И я хочу лично передать Антонио привет с того света.

Я посмотрел на Кьяру.

— Ты останешься в машине. С Витторио. Ни шага из нее.

Она медленно повернула ко мне голову.

— Нет.

Одно слово. Тихий вызов. Искра в темноте.

— *Cosa?* — я сжал ее руку.

— Я сказала нет. Ты показываешь мне свой мир? Так покажи. Не прячь меня, как постыдный секрет.

Безумие. Чистейшее, безрассудное безумие. Но, черт возьми, от ее слов по моей спине пробежал электрический разряд. Она не просила защиты. Она требовала места рядом со мной в аду.

Витторио смотрел на нее с ледяным изумлением. Никто не спорил с доном Лучо Росси. Никто.

— *Signorina*, это не место для...

— Молчи, Витторио, — отрезал я, не отрывая взгляда от Кьяры. — Решаю я.

Я видел ее горло, сглатывающее ком страха. Но ее подбородок был упрямо поднят.

— Хорошо, — сказал я. — Но ты будешь делать только то, что я скажу. Понимаешь? Одно неверное движение, и тебя не спасут ни моя ярость, ни моя власть.

Она кивнула. Ее глаза говорили: «Я поняла».

Машины резко свернули с главной дороги и, не сбавляя скорости, пронеслись по кипарисовой аллее, ведущей к вилле. Ворота были заперты. Двое охранников, увидев мчащиеся на них внедорожники, вскинули оружие.

Мой водитель даже не притормозил. Он нажал на газ.

Удар был оглушительным. Чугунные ворота с визгом отлетели в стороны. Охранники отпрыгнули. Один из них что-то кричал в рацию.

Наши машины ворвались на парадный круг перед виллой, разбросав гравий, и резко затормозили. Я не стал ждать. Распахнул дверь и вышел. Босой, в джинсах, с незажившей раной, из которой сочилась кровь, пропитавшая повязку.

Воздух пах морем, жасмином и... страхом.

На террасе, под белым маркизом, за столом, ломящимся от яств, сидели они. Антонио, мой кузен, моя левая рука, человек, которому я доверял как брату. Рядом с ним — несколько капо, которых я считал преданными. Их лица, мгновение назад улыбающиеся и расслабленные, застыли в масках шока и ужаса.

Антонио медленно поднялся. Его лицо побелело, но он пытался сохранить самообладание.

— Лучо... *Fratello*... Мы думали...

— Что я мертв? — я пошел к нему, не спеша, чувствуя, как каждый шаг отдается болью в боку. Но боль была ничем по сравнению со жгучим холодом ярости. — Видишь, Антонио? Рай не принимает, ад боится. Пришлось вернуться.

Я остановился в нескольких шагах от стола. Мои люди вышли из машин и окружили террасу, их пистолеты были наготове. Наступила гробовая тишина, нарушаемая лишь шумом прибоя внизу.

И тут я почувствовал ее присутствие за своей спиной.

Кьяра. Она вышла из машины и стояла там, в своих простых джинсах и футболке, среди моих одетых в черное солдат. Она была как орхидея, выросшая на поле брани. Неуместная. Гибельно прекрасная.

Антонио увидел ее. Его взгляд метнулся от меня к ней, и в его глазах вспыхнуло понимание. Потом — насмешка.

— Так вот оно что... Нашел себе новую игрушку в глуши, Лучо? И привез ее сюда? Сентиментально.

Я не ответил. Я просто смотрел на него. И он понял. Его насмешка медленно угасла, сменившись робеющим страхом.

— Энрико, — позвал я, не отводя взгляда от Антонио.

Один из капо, сидевших за столом, молодой и амбициозный, нервно поднялся.

— Дон Лучо...

— Твоя дочь. Ей шесть лет, да? Красивая девочка. Ходит в школу Святой Агаты.

Лицо Энрико стало землистого цвета.

— Дон Лучо, я...

— Закрой рот. Ты получил от Антонио обещание места под солнцем. А я даю тебе выбор. Твое место под солнцем... или твоя дочь, которая доживет до семи лет.

Энрико замер, потом медленно, с трудом, кивнул и отошел в сторону, присоединившись к моим людям. Предатель был нейтрализован одним предложением. Так работает власть. Не через грубую силу. Через знание слабостей.

Я перевел взгляд на следующего.

— Марко. Твой брат в тюрьме. Его дело можно пересмотреть. Или... забыть навсегда.

Марко, старый волк, смотрел на меня с ненавистью, но через мгновение опустил глаза и молча отступил.

Так, один за одним, я разбирал их. Кого-то — обещаниями, кого-то — угрозами. Моя власть возвращалась ко мне, как прилив, смывая шаткие построения Антонио.

Вскоре за столом остался только он. Дрожащий, одинокий, с глазами полными животного страха.

— Лучо... *Fratello*, прошу... У нас одна кровь!

— Кровь? — я наклонился к нему, упиваясь его страхом.

— Ты пролил мою кровь, Антонио. В лесу. Помнишь?

Я выхватил из-за пояса пистолет одного из своих людей — тяжелый «Глок» — и всадил пулю ему в колено.

Хлопок был негромким, но крик Антонио пронзил тишину. Он рухнул на пол, хватаясь за искалеченную ногу.

Я наклонился над ним.

— Это за пулю в лесу, — прошептал я. — А теперь... за попытку тронуть то, что мое.

Я обернулся и посмотрел на Кьяру. Она стояла, вжавшись в дверцу машины, ее руки сжимали металл так, что костяшки побелели. Ее лицо было лишено крови, но глаза... ее глаза были прикованы ко мне. В них не было отвращения. Был ужас. Было потрясение. Но была и странная, темная жажда — понять, принять, поглотить всю глубину моего падения.

— Подойди, — сказал я ей.

Она замерла на мгновение, потом оттолкнулась от машины и медленно, на неуверенных ногах, пошла ко мне через гравий. Все смотрели на нее. На эту загадочную женщину, благодаря которой Волк вернулся из мертвых и начал свою кровавую расправу.

Она остановилась рядом со мной. Я почувствовал запах ее шампуня — чистый, простой, такой чужеродный здесь, среди запаха крови и страха.

— Смотри, — приказал я ей тихо, указывая на корчащегося на земле Антонио. — Смотри и запоминай. Такова цена предательства в моем мире. Такова цена того, чтобы тронуть мою собственность.

Я поднял пистолет снова, целясь в голову Антонио. Его глаза расширились от ужаса. Он что-то бормотал, молил, пуская слюни.

И тут ее рука легла на мою. Легко, едва касаясь.

— Не надо, — прошептала она. Ее голос был хриплым, едва слышным.

Я взглянул на нее, изумленный. Она просила пощады? Для него?

— Он хотел убить тебя, — напомнил я ей, и моя ярость снова закипела. — Он прислал бы людей к твоему дому!

— Я знаю, — она покачала головой, и ее пальцы сжали мою руку чуть сильнее. — Но не так. Не здесь. Не... на потеху всем.

Ее слова были не просьбой о милосердии. Они были рас-

четом. Она понимала. Понимала, что казнь на глазах у всех — это одно. А холодная, безличная расправа позже — другое. Она предлагала мне не простить, а унижить его окончательно. Забрать у него даже достоинство быстрой смерти.

Я смотрел на нее, на эту женщину, которая минуту назад дрожала от страха, а теперь диктовала мне условия казни. Моя ярость медленно сменилась чем-то другим. Чем-то более темным, более глубоким, более одержимым.

Я медленно опустил пистолет.

— Ты права, — сказал я громко, так, чтобы слышали все. — Его кровь осквернит этот красивый пол.

Я повернулся к Витторио.

— Убери его. Пусть исчезнет. Чтобы никто и никогда не нашел ни единого клочка.

Витторио кивнул, и двое моих людей подхватили скулящего Антонио и потащили прочь.

Я обернулся к оставшимся капо, которые смотрели на эту сцену с новым, леденящим страхом.

— Завтра в десять утра все в моем кабинете. Обсудим... реструктуризацию бизнеса. А теперь... — мой взгляд скользнул по их бледным лицам, — идите. Наслаждайтесь вечером.

Они почти бегом покинули террасу.

Мы остались одни. Я, Кьяра и мои верные солдаты, стоящие в почтительном отдалении. Шум прибора снова заполнил тишину.

Я повернулся к Кьяре. Она все еще держала мою руку. Ее лицо было серьезным.

— Доволен? — спросила она тихо. — Ты показал мне, кто ты.

— Я показал тебе лишь верхушку айсберга, *amore mio*, — я притянул ее к себе, чувствуя, как ее тело напряглось, а потом обмякло. — Но это только начало. Теперь ты часть этого. Часть меня.

Она не ответила. Она просто смотрела на виллу, на море, на этот мир, который теперь принадлежал ей так же, как и мне. Мир роскоши, власти и нескончаемой крови.

И в ее глазах я видел не ужас, а принятие. Страшное, неизбежное принятие.

Она была моей. Не просто телом. Теперь — и душой. И вместе мы должны были править этим адом или сгореть в нем.

Я обнял ее за плечи и повел в дом. В мой дом. В нашу новую, проклятую, общую жизнь.

Глава 7. 18+

КБЯРА

Вилла была не просто домом. Это был монумент. Власти. Богатству. Беспощадности. Мраморные полы, холодные, как лед, даже сквозь тонкую подошву моих туфель, которые мне почтительно подала молчаливая служанка. Фрески на потолках, изображающие сцены из мифологии, где боги карали смертных. Массивная, темная мебель, казалось, впитывала в себя шепоты и крики, звучавшие здесь за долгие годы.

Меня провели в спальню. Не в его спальню. В «мою». Комнату, достойную принцессы или, скорее, дорогой наложницы. Шелк, бархат, позолота. Огромная кровать с балдахином. Вид на бесконечное, черное как чернила море. Дверь закрылась за мной с тихим, но окончательным щелчком.

Я стояла посреди этой роскоши, дрожа, как осиновый лист. Адреналин, который держал меня на ногах все это время, ушел, оставив после себя леденящую пустоту и осознание того, что я натворила. Я видела, как он калечит человека. Слышала хруст кости. Видела кровь. И я... я не отвернулась. Я вмешалась. Сказала «не надо», но не из жалости. Из холодного расчета. Чтобы его смерть была не спектаклем, а частным делом. Я стала соучастницей.

Дверь открылась без стука. Вошел Лучо. Он скинул одну полоску окровавленного бинта и теперь был босой и без вер-

ха, его повязка на боку была свежей, но я знала, что под ней — воспаленная, злая рана. Он был похож на римского императора после битвы — уставшего, но удовлетворенного, весь в ссадинах, пыли и чужой крови.

Он остановился напротив меня, его глаза пылали в полумраке комнаты, освещенной только светом луны из окна.

— Ну? — его голос был хриплым. — Говори. Выскажи все, что думаешь. Кричи. Плюнь мне в лицо.

Я сжала кулаки. Во мне боролись страх, отвращение и то самое проклятое влечение, которое привело меня сюда.

— Я думаю... что ты чудовище.

Он усмехнулся, коротко и беззвучно.

— Это не новость. Дальше.

— Я думаю, что ты наслаждался этим. Его страхом. Его болью.

— Наслаждался? — он сделал шаг ко мне. — Нет. Я... утолял жажду. Жажду справедливости. В моем мире это единственная валюта, которая имеет значение. Ты либо наносишь удар первым, либо становишься мишенью.

— А я? — мой голос дрогнул. — Я стала мишенью, когда спасла тебя?

— Нет. — Он был уже совсем близко. Я чувствовала тепло его кожи, запах пороха, крови и его собственный, дикий, возбуждающий запах. — Ты стала сокровищем. И сокровища прячут в самых надежных сейфах. Самых красивых. — Он провел рукой по шелковому покрывалу на кровати.

— Это клетка, — прошептала я.

— Золотая клетка, — поправил он. — С бассейном, видом на море и мной в придачу. Многие бы убивали за такое место.

Его рука поднялась, и он коснулся моего лица. Его пальцы были грубыми, но прикосновение — почти нежным.

— Ты дрожишь.

— Я ненавижу тебя за то, что ты сделал. За то, что ты заставил меня видеть это.

— Врешь, — его губы оказались в сантиметре от моих. Его дыхание обжигало. — Ты ненавидишь себя. За то, что не испугалась, что осталась смотреть. За то, что твое тело отвечает мне сейчас, даже когда твой разум в ужасе.

Он был прав. Предательское тепло разливалось по моему животу. Мое сердце билось не только от страха. Его близость, его грубая, животная сила, его абсолютная, безраздельная власть — все это было афродизиаком, сильнее которого я не знала.

— Я не хочу этого, — выдохнула я, но это была молитва, а не отказ.

— Хочешь, — он прошипел это слово прямо мне в губы. — Ты хочешь этого с той самой минуты, как перевязала мои раны. Ты хочешь прикоснуться к запретному. Почувствовать опасность на вкус. Ты хочешь меня, Кьяра. Так же отчаянно, как я хочу тебя.

И он поцеловал меня.

Это не был поцелуй, как в сарае — яростный и требовательный. Этот поцелуй был медленным, глубоким, почти... исследовательским. Он пил меня, как дорогое вино, смакуя каждый оттенок моего страха, моего отвращения, моего желания. Его язык скользнул между моих губ, влажный и горячий, заявляя права на каждую частичку моего рта.

Он вкушал меня, изучал, и я отвечала ему с той же дикой жадой, впиваясь пальцами в его волосы, притягивая его ближе, чувствуя, как твердые мускулы его спины играют под моими ладонями.

Его руки скользнули под мою простую футболку, и я вздрогнула от контраста его шершавых ладоней и нежной кожи. Он медленно, сантиметр за сантиметром, приподнял ткань, и его пальцы провели по моему животу, заставив все мое тело содрогнуться в предвкушении. Он сорвал с меня футболку, и его взгляд, тяжелый и горячий, скользнул по моей груди.

— *Così bella*, — прошептал он хрипло. Так прекрасна.

Он наклонился, и его губы обхватили один сосок, а пальцы — другой. Я вскрикнула, выгибаясь под ним, чувствуя, как волна жгучего удовольствия разливается от его прикосновений прямо к самому ядру моей сущности. Он не просто ласкал меня. Он покорял. Его язык вырисовывал мокрые круги на моей коже, его зубы слегка покусывали нежную плоть, заставляя меня стонать и ерзать по шелку простыней.

— Я покажу тебе, что значит настоящая власть, — про-

шептал он, спускаясь ниже, оставляя влажный, горячий след по моему животу. — Не та, что на улицах, а та, что здесь. Между мужчиной и женщиной.

Он снял с меня джинсы и белье одним ловким движением, и я осталась полностью обнаженной перед ним под его пылающим взглядом. Он встал на колени между моих ног, и его руки обхватили мои бедра, крепко, почти больно.

— Скажи «нет», — бросил он вызов, его глаза пылали в темноте. — Скажи это, и я остановлюсь. Я дам тебе все, что захочешь. Отдельные покои. Деньги. Свободу. Одно слово.

Я смотрела на него. На этого человека, который был всем, чего я боялась, и всем, чего я желала. Он предлагал мне выход. Но это был выход из его жизни. И я поняла, что не хочу уходить. Я хотела нырнуть в эту тьму с головой.

— Нет, — прошептала я.

На его лице на мгновение мелькнула боль, но я продолжила, цепляясь взглядом за его:

— Не останавливайся.

Его лицо преобразилось. Осознание, облегчение, дикая, всепоглощающая страсть. Он опустил голову между моих ног, и его язык коснулся самого сокровенного места. Я закричала, впиваясь пальцами в шелк простыней. Это была не просто ласка. Это было посвящение. Его язык был огнем и бархатом, он знал точно, как двигаться, как нажимать, чтобы каждая нервная окончатость в моем теле взорвалась фейерверком наслаждения. Он пил мою сущность, его губы и

язык доводили меня до грани безумия, до той тонкой черты, где боль и удовольствие становились единым целым.

— Лучо... — стонала я, уже не в силах выносить это бесконечное, сладкое мучение. — *Ti prego...* Прошу...

Он поднялся надо мной, его глаза были почти черными от желания. Он вошел в меня одним медленным, неумолимым движением, заполняя меня всю, вытесняя весь воздух, все мысли. Я обвила его ногами, впиваясь пятками в его ягодицы, притягивая его глубже, требуя больше. Он начал двигаться, и это был не просто секс. Это был танец. Грубый, чувственный, полный ярости и нежности одновременно.

Его губы нашли мои в поцелуе, глубоком и влажном, пока наши тела сливались в одном ритме. Он шептал мне на ухо на итальянском — то грубые, похабные слова, от которых горели щеки, то нежные признания, от которых сжималось сердце.

— *Sei tutto per me...* Ты все для меня... *La mia ossessione...* Мое наваждение...

Его руки держали меня, то сжимая бедра так, что должны были остаться синяки, то нежно переплетая пальцы с моими. Я отвечала ему с той же страстью, впиваясь ногтями в его спину, целуя его шрамы, принимая всю его боль, всю его ярость, всю его одержимость.

Мы достигли пика вместе, в оглушительной тишине, нарушаемой только нашими сдавленными криками и шумом прибоя за окном. Это было не взрыв, а медленное, бесконеч-

ное падение в бездну, где не было ни страха, ни прошлого, ни будущего. Только мы. Только это.

Я плакала. Тихие, бессильные слезы стекали по вискам, впитываясь в подушку. От стыда. От наслаждения. От осознания того, что я потеряла себя и нашла нечто новое, темное и пугающее, в его объятиях.

Он лежал рядом, тяжело дыша, его рука лежала на моем животе, влажная от пота.

— *Sei mia*, — прошептал он, его губы коснулись моего плеча.

Ты моя. — Навсегда.

И на этот раз я не стала спорить. Потому что это была правда. Я была его. Его одержимостью. Его искуплением. Его самой ценной контрабандой, которую он вывез из того старого мира в этот новый, полный ужаса и красоты.

Утром я проснулась от звука шагов за дверью. Я потянулась к его стороне кровати, но она была пуста и холодна. На подушке лежала записка, нацарапанная его уверенным почерком:

«Дела. Витторио проведет тебя по дому. Никуда не выходи без охраны. Твоя жизнь теперь дороже всего золота в этом доме. Л.»

И ниже, уже другим почерком, будто добавлено в порыве: *«Твое спящее лицо утром — самое прекрасное, что я видел за последние десять лет.»*

Я сжала записку в руке и подошла к окну. Внизу рассти-

лался идеальный сад, за ним — бесконечное синее море. Красивая, просторная, роскошная тюрьма.

И я поняла, что самые прочные цепи — не из железа. Они из страсти, одержимости и той темной, запретной связи, что навеки связала меня с Лучо Росси. Я была его пленницей. И по какому-то ужасному, извращенному стечению обстоятельств, я не хотела свободы.

Я хотела его.

Глава 8.

ЛУЧО

Кабинет пах старым деревом, дорогим коньяком и властью. Моя власть. Я сидел в кресле за массивным дубовым столом, который когда-то принадлежал моему отцу. Передо мной, выстроившись в ряд, стояли мои капо. Те самые, что несколько дней назад пировали с Антонио. Воздух был густым от невысказанного страха.

— *Cazzo*, — тихо выругался я, разглядывая отчет о «пропавшей» партии оружия, которая должна была уйти неаполитанцам. — Объясните мне, *stronzi*, как так вышло, что два грузовика с моим добром испарились с радаров между Реджо и Салерно? Или вы все тут решили, что раз Антонио выебывался, то и вам можно расслабить жопы?

Они молчали, потупив взгляды. Витторио стоял у камина, его лицо было невозмутимо, но я видел, как напряжены его пальцы, сжимающие стакан.

— Это работа крота, дон Лучо, — наконец сказал старый Риккардо, самый осторожный из них. — Кто-то из своих. Тот, кто знал маршрут и время.

— *Grazie al cazzo*, капитан очевидность! — я ударил кулаком по столу, заставив их всех вздрогнуть. — Вопрос в том, КТО? Кто этот *figlio di puttana*, у которого хватило яиц вести двойную игру даже сейчас, когда я вернулся?

Я встал и медленно прошелся за их спинами, чувствуя, как они напрягаются.

— Антонио был болваном. Жадным и амбициозным. Но он работал не один. У него был кто-то умнее. Кто-то, кто остался в тени. И этот кто-то... все еще здесь.

Я остановился за спиной у Марко, того самого, чей брат сидел в тюрьме.

— Марко. Твой брат. Как его дела в заключении? Получает ли он мои... передачи?

Марко побледнел.

— Д-да, дон Лучо. Он очень благодарен.

— Рад это слышать. Было бы ужасно, если бы с ним что-то случилось. Например, если бы он внезапно решил повеситься на простынях. Такое случается в тюрьмах, правда?

Я видел, как капли пота выступили у него на висках. Я двинулся дальше, к Энрико, тому самому, с дочерью.

— Энрико. Твоя маленькая Беатриче. Она, кажется, вчера получила высший балл на школьном конкурсе рисования. *Complimenti*. Талантливая девочка. Жаль, что мир так опасен для талантливых детей.

Энрико сглотнул, его глаза умоляли о пощаде. Хорошо. Страх работал. Но было ясно — ни один из них не был тем кротом. Они были мелкими шавками, дрожащими за свою шкуру и свои семьи. Предатель был хитрее.

— У вас есть 24 часа, — сказал я, возвращаясь на свое место. — Чтобы найти эту суку, которая сливает информа-

цию. Или я начну чистить ряды. Начинаю с ваших семей. Понятно?

Они закивали, бормоча согласие, и почти побежали из кабинета.

Когда дверь закрылась, Витторио тяжело вздохнул.

— Жестко, дон Лучо.

— Мир жесток, Витторио. *Cazzo*, ты знаешь это лучше меня. Если я дам слабину, они сожрут меня, как падальщики. — Я налил себе коньяку и сделал большой глоток. Жидкость обожгла горло. — Что с ней?

— Синьорина Кьяра? Она завтракает в восточном патио. Капитан Франко и его люди присматривают за ней.

— Хорошо. — Я посмотрел в окно, на море. Ее образ встал перед глазами — растрепанные волосы на шелковой подушке, ее губы, распухшие от поцелуев, ее глаза, полные ужаса и принятия. *Mia pazza, bellissima ragazza*. Моя сумасшедшая, прекрасная девушка. Мысль о том, что этот крот, эта тень, может представлять угрозу для нее, заставляла мою кровь стечь в жилах. — Удвой охрану. Вокруг нее. Никто не должен подходить к ней без моего личного разрешения. Никто.

— Считайте, что сделано.

— И, Витторио... — я повернулся к нему. — Найди этого ублюдка. Я хочу его имя. Живым или мертвым. Но предпочтительно живым. Я хочу поговорить с ним лично.

В его глазах мелькнуло что-то — тень, которую я не смог

прочитать.

— Как прикажете, дон Лучо.

Он вышел, оставив меня наедине с моими мыслями и раной в боку, которая ныла, напоминая о лесе, о предательстве и о женщине, которая все изменила.

КЪЯРА

Завтрак был изысканным. Свежевыжатый сок, идеальная фокачча, фрукты, которые выглядели слишком идеально, чтобы быть настоящими.

Я сидела под зонтиком в маленьком внутреннем дворике, залитом утренним солнцем, и пыталась заставить себя есть. Но каждый кусок вставал в горле комом.

Роскошь давила. Молчаливые служанки, появляющиеся как тени. Охранники, стоящие неподвижно, как статуи, на всех выходах. Я была центром вселенной, тщательно оберегаемой и абсолютно несвободной.

Из окна кабинета на втором этаже доносились приглушенные крики. Его голос. Грубый, насыщенный яростью. Потом — гробовая тишина. Я содрогнулась, вспомнив вчерашнюю сцену. Кровь. Хруст кости. И его глаза... его глаза, когда он смотрел на меня после этого.

Ко мне подошел Витторио. Его появление было всегда бесшумным, как у змеи.

— *Signorina*, надеюсь, вы хорошо отдохнули?

— Прекрасно, — солгала я. — Как пленница в пятизвез-

дочном отеле.

Его тонкие губы дрогнули в подобии улыбки.

— Дон Лучо очень... обеспокоен вашей безопасностью. В свете последних событий.

— Каких событий? — спросила я, чувствуя ледяную дрожь.

— Незначительные производственные трудности, — он сделал легкий, успокаивающий жест рукой. — Ничего, что могло бы вас коснуться.

Но его глаза говорили об обратном. Они были настороженными. Я поняла — что-то случилось. Что-то, что заставило Лучо снова ощетиниться.

— Я хочу прогуляться, — сказала я, вставая. — По саду.

— Конечно. Я попрошу кого-нибудь составить вам компанию.

— Я не нуждаюсь в компании. Я нуждаюсь в воздухе.

— К сожалению, *signorina*, это невозможно. Приказы дона Лучо категоричны.

Я сжала кулаки, чувствуя, как нарастает знакомая ярость. Ярость загнанной в угол птицы.

— Передайте дону Лучо, что его приказы меня душат.

— Он очень занят в данный момент, — Витторио слегка наклонил голову. — Но я обязательно передам ваше... пожелание.

Он удалился, оставив меня с двумя неподвижными охранниками. Я отвернулась и уставилась на розы, цветущие у сте-

ны. Они были идеальными. Без единого изъяна. Как и все в этой проклятой вилле. Искусственная, мертвая красота.

Внезапно я заметила движение у края сада. Молодой садовник, может быть, лет двадцати, подрезал кусты. Он был не похож на других слуг — не такой отстраненный, не такой напуганный. Он посмотрел на меня. Прямо. И в его взгляде было не любопытство, а... предупреждение. Он быстро огляделся, а потом, делая вид, что поправляет перчатку, показал мне что-то в ладони.

Маленький, смятый клочок бумаги.

Мое сердце заколотилось. Я медленно, стараясь не привлекать внимания охранников, прошла к нему, делая вид, что рассматриваю розы.

— *Signorina*, — тихо сказал он, не глядя на меня. — *Attenta*. Осторожнее. Здесь не все те, за кого себя выдают.

Он сунул бумажку мне в руку, и его пальцы на мгновение сжали мои. Они были грубыми, в земле. Затем он отвернулся и снова принялся за работу.

Я отошла, сжимая в потной ладони комочек бумаги. У меня перехватывало дыхание. Я зашла за высокую живую изгородь, в уединенный уголок, и развернула записку.

Кривой, торопливый почерк. Всего три слова:

«НЕ ДОВЕРЯЙТЕ ВИТТОРИО. ОН — ЗМЕЯ.»

Мир поплыл у меня перед глазами. Витторио? Его правая рука? Человек, который встречал нас у машины, который смотрел на меня с ледяным презрением? Это он был преда-

телем?

Я скомкала записку и сунула ее в карман, чувствуя, как меня тошнит от страха. Кому верить? Лучо, который был моей тюрьмой и моей страстью? Или этому мальчику-садовнику, который рисковал жизнью, чтобы передать мне эту записку?

Я вышла из-за изгороди и чуть не врезалась в Лучо. Он стоял там, его лицо было мрачным, а глаза — усталыми. Он видел. Видел, как я вышла из укрытия, видел мое испуганное лицо.

— Что случилось? — его голос был резким. — Ты белая как полотно.

— Ничего, — я сглотнула. — Просто... душно.

Он взял меня за подбородок, заставив посмотреть на себя. Его взгляд был пронзительным, как всегда.

— Ты врешь. Я вижу это по твоим глазам. Кто-то напугал тебя? Кто? — Его голос стал тише, но от этого только опаснее.

Я колебалась. Сказать ему? Но если Витторио и правда предатель... он был везде. Он слышал все. Одно мое слово, и жизнь того мальчика будет стоять меньше ничего.

— Я сказала, все в порядке, — повторила я, пытаюсь вырваться.

Но его хватка усилилась.

— Ты учишься лгать, amore mio. Плохо учишься. — Он наклонился ближе, его губы почти коснулись моего уха. —

Запомни. В этом мире ты доверяешь только мне. Только я не позволю тебе умереть. Все остальные... все остальные — расходный материал. Поняла?

Его слова были ядом и медом одновременно. Они пугали и успокаивали. Он был моим единственным якорем в этом бушующем море лжи.

— Поняла, — прошептала я.

Он отпустил меня и обнял за плечи, прижимая к себе. Я прижалась к его груди, слушая ровный, сильный стук его сердца. Оно билось спокойно. В отличие от моего, которое готово было выпрыгнуть из груди.

Он повел меня обратно в дом, и на пороге я обернулась. Садовник исчез. На его месте был другой человек. А Витторио стоял у входа в кабинет и смотрел на нас. Его лицо было бесстрастным, но его глаза... его холодные, пронизательные глаза, казалось, видели прямо сквозь меня.

И я поняла, что игра только началась. Игра, ставкой в которой была не только моя жизнь, но и его. Лучо Росси. Мой тиран. Мой любовник. Мой единственный шанс на выживание в этом мире змей и предателей.

Теперь мне предстояло решить — предупредить его о змее, притаившейся у него за пазухой, или молчать, рискуя всем. Потому что если Витторио и правда был предателем, то одно неверное слово означало смерть. Для нас обоих.

Глава 9.

КЪЯРА

Прошла неделя. Семь дней в золотой клетке. Я научилась отличать шаги служанок от шагов охранников. Научилась скрывать дрожь в руках, когда Витторио смотрел на меня своим ледяным взглядом. Научилась отвечать на ночную страсть Лучо с такой же яростью, заглушая в себе голос разума, который кричал о безумии всего происходящего.

Но была одна вещь, от которой я не могла отгородиться. Одна постоянная, ноющая боль. Мысль о доме. О Фурбо, о Лире, моей кобыле. О всех тех незащитных существах, которые зависели от меня и которых я бросила.

Однажды ночью, когда Лучо лежал рядом, тяжело дыша после нашего очередного страстного поединка, я не выдержала. Я лежала, глядя в потолок, и чувствовала, как слезы подступают к горлу.

— Моя лошадь, — прошептала я в темноту. — И собака. Они одни.

Лучо повернулся на бок, его тело излучало тепло.

— *Cosa?*

— Я сказала, мои животные. В конюшне. Они, наверное, уже умерли от голода и жажды. Или их забрали какие-нибудь бродяги. Я их бросила.

Мой голос дрогнул. Это были не просто животные. Ли-

ра была моим спасением после Рима. Ее спокойная сила, ее теплая морда, доверчиво упирающаяся в мое плечо... Фурбо, который всегда встречал меня радостным лаем. Они были последними нитями, связывающими меня с той, старой, нормальной жизнью.

Лучо помолчал. Потом он протянул руку и грубо провел большим пальцем по моей щеке, смахивая предательскую слезу.

— *Stronzata*. Чушь. Не умрут.

— Как ты знаешь? Ты же был без сознания, когда я нашла тебя! Ты не видел...

— Я знаю, потому что я не кретин, Кьяра! — его голос прозвучал резко, заставив меня вздрогнуть. — Ты думаешь, я такой ублюдок, что позволю твоим проклятым животным умереть и вогнать тебя в депрессию? *Cazzo*.

Он резко встал с кровати, его силуэт вырисовывался на фоне лунного света из окна.

— На следующее утро после того, как мы уехали, я послал людей. Двоих. Они живут в твоём доме сейчас. Кормят твою собаку, чистят твою лошадь, поливают твои чертовы помидоры. Доволен?

Я села на кровати, не веря своим ушам.

— Ты... что?

— Ты что, оглохла? — он раздраженно провел рукой по волосам. — Я сказал, за ними присматривают. Твой дом под охраной. Никто не тронет ни пылинки в той конюшне. Это

тебя успокаивает, *Dottoressa*? Можешь перестать хныкать?

Я смотрела на него, на этого человека, который мог хладнокровно приказать убить человека, но при этом позаботился о собаке и лошади. Это не укладывалось в голове. В этой заботе было что-то такое... человеческое. Такое, что пробивало броню его жестокости и заставляло мое сердце сжиматься от странной, непозволительной нежности.

— Почему? — выдохнула я. — Зачем тебе это?

Он подошел к кровати и наклонился надо мной, уперев руки в изголовье.

— Потому что они твои. А все, что твое, теперь принадлежит мне. И я не привык терять свое имущество. Даже такое дурацкое, как старая кобыла и дворняга. Понятно?

Его слова должны были унижить. Но почему-то... не унижали. В них сквозила его собственная, уродливая логика. Логика Волка, метящего свою территорию.

— Я хочу их видеть, — сказала я, поднимая на него взгляд. — Убедиться, что с ними все в порядке.

— Нет.

— Лучо, пожалуйста. Я... мне нужно их увидеть.

— *È una follia!* Это безумие! — он выпрямился. — Ты хочешь светиться, как новогодняя елка, перед всеми, кто охотится за мной? И за тобой? Антонио был не один! Тот, кто стоит за ним, все еще на свободе!

— Ты же сказал, что дом под охраной! Значит, он безопасен!

— Ничто не безопасно! *Niente!* — он ударил кулаком по стене, и я вздрогнула. — Ты не поедешь. Точка.

Я тоже встала с кровати, сердце колотилось от ярости и отчаяния.

— Я не прошу отпустить меня одну! Поезжай со мной! Со всей своей чертовой охраной! Но я должна их увидеть!

Мы стояли друг напротив друга, как два врага, разделенные несколькими сантиметрами, но пропастью непонимания. Его глаза пылали гневом. Мои — упрямством.

— Ты не понимаешь, в какой опасности ты находишься, — прошипел он. — Каждый твой шаг на улице — это риск. Риск, на который я не готов идти.

— А я не готова жить в этой роскошной тюрьме, не зная, живы ли единственные существа, которые меня не предавали! — крикнула я ему в лицо.

Он замер. Его гнев, казалось, достиг точки кипения, а затем... иссяк. Он тяжело вздохнул и провел рукой по лицу.

— *Cazzo, donna...* Ты сведёшь меня с ума, — прошептал он с какой-то почти усталой покорностью. — Хорошо.

Я не поверила своим ушам.

— Хорошо?

— Да, *va bene*. Завтра. Мы поедем. На один час. Ты не отходишь от меня ни на шаг. Никаких разговоров с соседями. Никаких сентиментальных прощаний. Мы заезжаем, ты убеждаешься, что твои звери живы, и мы возвращаемся. До-

говорились?

На его лице была непроницаемая маска, но в глазах я увидела не просто раздражение. Я увидела... страх. Не за себя. За меня.

Это осознание ударило сильнее любой его угрозы.

— Договорились, — тихо сказала я.

Он кивнул и, развернувшись, вышел из спальни. Дверь захлопнулась с грохотом, эхом отозвавшимся в огромной, пустой комнате.

Я осталась одна, дрожа от странной смеси победы и ледящего душу предчувствия. Он уступил. Впервые. Но цена этой уступки могла оказаться куда выше, чем я могла предположить.

На следующее утро у подъезда виллы стоял не кортеж из трех машин, а один неприметный черный фургон с тонированными стеклами. Лучо вышел в простой темной куртке и джинсах, но его осанка и холодный, оценивающий взгляд выдавали в нем хозяина положения. Он открыл мне дверь.

— Запоминай, — сказал он, когда мы тронулись. В салоне, кроме водителя, сидели еще двое его людей — капитан Франко и молчаливый гигант по кличке Гора. — Никаких окон. Никаких разговоров. Ты делаешь, что я сказал.

Я кивнула, сжимая в потных ладонях края куртки. Дорога заняла меньше часа. Когда фургон остановился, и дверь открылась, мое сердце екнуло.

Я стояла перед своим домом. Моим маленьким, покосив-

шимся домом с конюшней. Все было точно так же, как я помнила. Забор, огород, даже забытое ведро у крыльца. И тут из-за угла дома с радостным лаем выбежал Фурбо. Он был ухоженным, сытым, его хвост вилял так, будто готов был оторваться.

— Фурбо... — я присела на корточки, и он тут же прыгнул мне в грудь, зализывая лицо скулящим от восторга. Слезы навернулись на глаза. Он был жив. Здоров.

Из конюшни вышел один из людей Лучо — молодой парень в простой одежде, с умными, внимательными глазами.

— *Signorina*, — кивнул он мне. — Лира в порядке. Только что поела.

Я вошла в конюшню. Воздух пах сеном и лошадьё — родной, успокаивающий запах. Лира стояла в своем стойле, ее шерсть лоснилась. Она фыркнула, узнав меня, и протянула морду, тычась мне в плечо.

Я обняла ее теплую шею, закрыв глаза, и на секунду позволила себе забыть обо всем — о мафии, об опасности, о Лучо, стоящем у входа и наблюдающим за мной с невыразимым лицом. Это был мой мир. Простой, честный, настоящий.

И в этот самый момент я увидела его. Того самого садовника. Он стоял у дальнего конца забора, якобы подметая дорожку. Он посмотрел на меня, и его взгляд был полон тревоги. Он едва заметно покачал головой, словно говоря: «*Я предупреждал. Уходи*».

Лучо, заметив мой взгляд, резко обернулся.

— Кто это? — его голос прозвучал как удар хлыста.

— Никто, — быстро сказала я, отпуская Лиру и отступая назад. — Просто... садовник.

Лучо не отвел от него взгляда. Его лицо стало каменным.

— Франко. Проверить.

Гигант Гора направился к забору. Садовник, увидев его, бросил метлу и бросился бежать.

— Нет! — крикнула я, но было поздно.

Лучо схватил меня за руку и потащил к фургону.

— Всё. Мы едем.

— Но он ничего не сделал! Он просто работал!

— Он сбежал, *Cazzo!* Человек с чистой совестью не бежит!
— он втолкнул меня в салон и грубо захлопнул дверь. —
Поехали! Немедленно!

Фургон рванул с места. В последний момент, глядя в узкую щель между шторками, я увидела, как Франко и Гора скрываются в лесу за домом, преследуя бегущего мальчика.

У меня в груди все сжалось в ледяной ком. Я смотрела на Лучо. Он сидел напротив, его челюсти были сжаты, а в глазах бушевала буря.

— Ты... ты что, прикажешь его убить? — прошептала я.

Он медленно перевел на меня взгляд.

В его глазах не было ни капли сомнения.

— Он что-то знал. И он попытался тебе это передать. Да?

Я молчала, чувствуя, как предательские слезы снова подступают. Записка в кармане жгла меня, как раскаленное же-

лезю.

— Ответь! — его рука впилась в мое запястье.

— Да! — выдохнула я. — Он дал мне записку! Сказал не доверять Витторио!

Лучо замер. Его лицо стало абсолютно непроницаемым. Он отпустил мою руку и откинулся на спинку сиденья.

— Я вижу, — тихо произнес он. — Игру начинают.

Он посмотрел на меня, и в его взгляде было нечто новое. Не ярость. Не одержимость. Холодная, безжалостная решимость.

— Забудь свой дом, Кьяра. Забудь свою старую жизнь. Она закончилась. Теперь ты в центре войны. И единственный способ выжить в войне — быть опаснее, чем твой враг.

Фургон мчался по дороге, увозя меня от моего прошлого. Обратно в золотую клетку. Обратно в объятия человека, который был моим тюремщиком и моим единственным защитником. И я понимала, что моя невинная просьба увидеть домашних животных только что подлила масла в огонь надвигающейся бури. Бури, в которой у меня не было ни карты, ни компаса. Только он. Лучо Росси. И его обещание сжечь дотла всех, кто посмеет встать на нашем пути.

Глава 10.

ЛУЧО

Тишина в моем кабинете была оглушительной. Я стоял у окна, глядя на море, но видел не воду, а лицо того мальчишки-садовника. Искажённое страхом. И лицо Кьяры, когда она сказала мне о записке. «*Не доверяйте Витторио. Он — змея.*»

Витторио. Мой *consigliere*. Человек, который служил моему отцу. Который вытащил меня из более чем одной переделки. Чей ум был острее отточенной стали.

Cazzo.

Дверь открылась без стука. Вошел он. Бесшумно, как всегда. Его лицо было маской спокойствия.

— Дон Лучо. Франко и Гора вернулись. Мальчик... исчез. Знает местность лучше наших людей.

Я медленно повернулся.

— Как интересно. Обычный садовник, который умеет уходить от двух лучших моих охотников.

Витторио слегка наклонил голову.

— Согласен. Подозрительно. Возможно, он был кем-то нанят. Чтобы посеять недоверие.

— Недоверие? — я усмехнулся, подходя к столу. — К кому, Витторио? К тебе?

Его глаза, холодные и ясные, встретились с моими. Ни те-

ни страха.

— Это очевидный ход, дон Лучо. Если я устранен, клан лишается своего мозга. Это ослабляет вас. Кому-то это выгодно.

Он был чертовски прав. Это был классический ход. Посеять раздор в стане врага. Но чтобы это сработало, нужно было семя. Сомнение. И оно уже было посеяно. Проклятая записка в кармане Кьяры.

— Кто, по-твоему? — спросил я, наливая два бокала коньяка. Протянул один ему.

Он взял бокал, поблагодарил кивком.

— Неаполитанцы. Или сицилийцы. Антонио мог иметь связи с ними. Они пользуются моментом нестабильности.

— Нестабильности? — я хмыкнул. — Я вернулся, Витторио. Нестабильность закончилась.

— Конечно, — он сделал глоток. — Но они этого еще не знают. Им нужно напомнить.

— Мы напомним, — я отпил коньяк. Жидкость обожгла горло. — Но сначала... нам нужно найти этого мальчика. Живым. Я хочу поговорить с ним.

— Это будет сложно. Если он профессионал, он уже далеко.

— Найди его, — мой голос не оставлял места для возражений. — Используй все ресурсы. Я хочу его, Витторио. Лично.

Он кивнул.

— Будет сделано.

Он повернулся, чтобы уйти.

— Витторио, — я остановил его. — Кьяра. Она... получила записку. С предупреждением о тебе.

Он замер, но не обернулся.

— Я сожалею, что *signorina* вовлечена в это. Ее безопасность должна быть приоритетом.

— Она и есть мой приоритет, — тихо сказал я. — И я разорву любого, кто посмеет сделать ее мишенью. ЛЮБОГО. Понял?

Теперь он обернулся. Его лицо было все так же спокойно.

— Понял, дон Лучо. Всегда.

Он вышел. Я остался один. С бокалом коньяка и с растущим, черным подозрением в груди. Витторио был прав — все указывало на внешнего врага. Но что-то грызло меня изнутри. Шептало, что игра была сложнее. Что змея была ближе, чем я думал.

КЬЯРА

Меня трясло еще несколько часов после возвращения. Я сидела в своей комнате, сжимая в руках смятый листок — ту самую записку. «НЕ ДОВЕРЯЙТЕ ВИТТОРИО. ОН — ЗМЕЯ.»

Лучо не спрашивал у меня ее. Он просто... знал. И его реакция была пугающей. Не ярость. Холод. Ледяной, расчетливый холод.

Дверь открылась. Вошел он. Он смотрел на меня несколько секунд, его взгляд скользнул по моим рукам, сжимающим записку.

— Дай, — сказал он тихо.

Я молча протянула ему бумажку. Он разгладил ее на столе, изучая каждый изгиб, каждый штрих.

— Говорил ли он что-то еще? — спросил он, не глядя на меня.

— Нет. Только... «осторожнее». И что здесь не все те, за кого себя выдают.

Он кивнул, как будто это подтверждало что-то в его голове.

— Хорошо.

— Лучо... — я встала, подойдя к нему. — Что происходит? Кто этот мальчик? Почему он...

— Не твоя забота, — он резко оборвал меня. — Твоя забота — оставаться здесь. В безопасности. И не принимать записок от незнакомцев, *capisci*? Ты могла подписать ему смертный приговор.

— Я ничего не просила! Он сам подошел!

— А ты могла оттолкнуть его! Проигнорировать! Но нет! Ты, с твоим большим сердцем и любопытством, взяла эту хуйню! — он скомкал записку и швырнул ее в камин. Бумага вспыхнула и сгорела за секунду. — Теперь этот парень в бегах. И если он не профессионал, то скоро будет мертв. А если профессионал..., то мы, возможно, никогда не узнаем,

кто его послал.

Я смотрела, как тлеют угольки, и чувствовала, как во мне закипает гнев.

— А может, он просто пытался помочь? Предупредить! Может, Витторио и правда предатель!

Лучо повернулся ко мне. Его лицо было искажено такой яростью, что я отступила на шаг.

— Ты хочешь поиграть в детектива, *dottore*? Хочешь, я расскажу тебе, как играют в детектива в моем мире? Берут человека, который тебе дорог. Твоего старого отца. Твою сестру. Твою собаку. И начинают резать его на куски перед тобой, пока ты не дашь им то, что они хотят. А хотят они одного — чтобы я поверил, что мой самый верный человек — предатель! Чтобы я отрубил себе собственную руку!

Он подошел ко мне вплотную, его дыхание обжигало мое лицо.

— Так что хватит. Хватит твоих дурацких догадок. Ты не понимаешь, в какой игре мы играем. Здесь нет правых и виноватых. Есть сила. И есть слабость. И сейчас кто-то пытается сделать меня слабым. Через тебя.

Он схватил меня за подбородок, не больно, но твердо.

— Так что слушайся меня. Сиди здесь. И не высовывай свой прекрасный нос туда, куда не следует. Или я привяжу тебя к этой кровати до конца твоих дней. Поняла?

Его угроза висела в воздухе. Но за ней я видела нечто иное. Не просто гнев. Панику. Глубоко запрятанный, дикий

страх. Страх потерять меня.

И это... это обезоруживало сильнее любой ярости.

— Поняла, — прошептала я.

Он отпустил меня, его плечи слегка опустились. Он прошел к бару, налил себе виски, выпил залпом.

— Хорошо.

Он вышел, оставив меня одну с тлеющим пеплом в камине и с хаосом в душе. Он был прав. Я не понимала их правил. Но я понимала одно — тот мальчик, будь он прав или нет, был всего лишь пешкой. А пешки в этой игре гибли первыми.

Поздно вечером, когда вилла погрузилась в сон, я не могла уснуть. Я вышла на балкон своей комнаты. Воздух был прохладным, пахло морем и ночными цветами.

И тут я увидела его. Внизу, в саду, в луже лунного света, стояли двое. Лучо и Витторио. Они о чем-то говорили. Голоса доносились приглушенно, но я видела их позы. Лучо — напряженный, как тигр, готовый к прыжку. Витторио — спокойный, почти расслабленный, его руки были сложены за спиной.

Внезапно Лучо сделал шаг вперед. Он сказал что-то, и его слова, вырвавшись из тишины, долетели до меня обрывком:

«... если я обнаружу, что ты водишь меня за нос, Витторио... клянусь всем святым, твоя смерть будет долгой.»

Витторио не отступил. Он наклонил голову, его ответ был тихим, но я разобрала:

«Вы — как сын для меня, дон Лучо. Я служил вашему

отцу. И служу вам. Все, что я делаю, — для блага семьи.»

Лучо замер, затем резко развернулся и ушел в дом. Витторио остался стоять в саду. Он поднял голову и... посмотрел прямо на мой балкон. На меня. Его лицо было скрыто тенью, но я почувствовала, как по спине пробежали мурашки. Он знал, что я наблюдаю.

Он медленно, с преувеличенной почтительностью, склонил голову в мою сторону, словно приветствуя меня. Затем развернулся и растворился в темноте.

Я отступила от перил, сердце бешено колотилось. Этот жест... он был не почтительным. Он был насмешливым. Вызывающим.

И в тот момент я поняла. Лучо мог отрицать это сколько угодно. Он мог пытаться оградить меня от правды. Но я была уже в центре этого. Игра шла. И Витторио, «верный» Витторио, только что бросил мне вызов.

Перчатка была брошена. И я, хоть и не знала правил, была одним из главных призов. И возможно, единственным, кто могла увидеть змею в траве, пока Волк был ослеплен старой преданностью.

Мне нужно было выбрать сторону. Довериться ли Лучо и его миру силы и ярости? Или поверить предупреждению из прошлой жизни и рискнуть всем?

Я посмотрела на дверь, за которой скрылся Лучо. На того, кто был и моей тюрьмой, и моей страстью. И поняла, что мой выбор был сделан давно. В ту секунду, когда я не отступила

от его поцелуя в сарае.

Я была на его стороне. Даже если это означало сгореть в плане его войны.

Глава 11.

ЛУЧО

Кабинет затянуло сигарным дымом и напряжением. Перед мной сидели Витторио, капитан Франко и старый Риккардо, отвечающий за логистику. На столе лежал тонкий ноутбук, на экране которого горел единственный адрес электронной почты — `cerberus@protonmail.com`. И прикрепленный к нему файл.

— Cazzo, — проворчал Франко, откидываясь на спинку стула. — «Цербер». Опять эти сукины дети. Думают, могут нас дёргать, как марионеток?

— Они не дёргают, — холодно парировал Витторио. — Они предлагают. На невыполнимых условиях.

Я молчал, изучая документ. Предложение было простым и гениальным, как лезвие гильотины. «Цербер» — альянс трех восточноевропейских кланов, чьи аппетиты росли быстрее, чем их возможности — предлагал нам стать эксклюзивным каналом сбыта для их нового товара. Не наркотиков. Не оружия. А чего-то гораздо более ценного и опасного.

— Украденные данные биоинженерии, — прошептал Риккардо, снимая очки и протирая переносицу. — Полные чертежи и патенты на новейшие медицинские препараты от рака. Половина фармгигантов мира убьёт за это. Другая по-

ловина заплатит любые деньги.

— И «Цербер» не может продать это сам, — добавил Витторио. — У них нет выхода на нужный уровень. У нас есть. Они предоставляют товар. Мы находим покупателя и обеспечиваем безопасную транзакцию. Их доля — 60%. Наши — 40%.

— Сорок процентов от суммы, которой хватит, чтобы купить, нахуй, целую страну! — Франко ударил кулаком по столу. — Но, дон Лучо, это ловушка! Мы все знаем, как «Цербер» работает! Они используют партнеров, а потом устраняют их, чтобы не делить пирог!

— Они пытались это проделать с неаполитанцами в прошлом году, — кивнул Риккардо. — Трех неаполитанцев нашли в порту с перерезанными глотками.

— Я знаю, как они работают, — наконец сказал я, закрывая ноутбук. Мои пальцы сжали дорогую сигару до хруста. — Но они правы в одном. Это предложение, от которого нельзя отказаться. Тот, кто контролирует эту сделку, будет контролировать не просто рынок. Он будет контролировать будущее. И мы будем в этой сделке на вершине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.